
Сона Скофилд
Развод
с генералом в 45.
Не трогай
моего мужчину

Сона Скофилд

Развод с генералом в 45. Не трогай моего мужчину

«Автор»
2026

Скофилд С.

Развод с генералом в 45. Не трогай моего мужчину /
С. Скофилд — «Автор», 2026

— У тебя все есть. Чего тебе еще не хватает?Мой муж, генерал-майор Виктор Ланской, даже в мое сорокапятилетие нашел дела важнее меня.Двадцать четыре года я ждала, когда он вспомнит, что я не просто удобная жена.
А потом подала на развод.Виктор только усмехнулся. Был уверен, что скоро приползу обратно.Но я встретила Артема. Красивого, состоятельного бизнесмена, рядом с которым снова почувствовала себя желанной, любимой и счастливой.Увидев нас вместе, бывший муж обезумел от ревности.Сначала были подарки и уговоры. Потом угрозы. А вскоре Артема обвинили в хищении. Теперь мужчине, которого я люблю, грозит тюрьма.Генерал предлагает сделку: я возвращаюсь к нему, а он помогает закрыть дело.Он уверен, что ради спасения Артема я снова подчинюсь.Но Виктор кое-чего не учел.В сорок пять я научилась бороться за свое счастье. И своего мужчину ему уничтожить не позволю!

© Скофилд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День рождения без меня 5
Глава 2. Мой новый адрес 22
Глава 3. Не с той ноги 40
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Сона Скофилд
Развод с генералом в 45. Не трогай моего мужчину

Глава 1. День рождения без меня

О том, что на мой день рождения придут гости, я узнала последней.

В одиннадцать утра муж позвонил из управления и, даже не поздоровавшись, спросил:

— Марин, у нас дома что-нибудь приличное к ужину есть?

Я посмотрела на темно-синее платье, которое лежало на кровати. Купила его три дня назад, впервые за несколько лет не спросив у Виктора, нравится ли ему цвет.

— А что?

— Трофимовы приедут. И Сазонов с женой. Часам к семи. Надо будет посидеть, поговорить.

Я помолчала.

— Витя, у меня сегодня день рождения.

— Я помню.

— Мы собирались в ресторан.

— Ну, ресторан никуда не денется. Перенесем на другой день.

Я подошла к окну. На улице шел мелкий снег. У подъезда женщина в длинном пуховике пыталась открыть машину, прижимая к уху телефон. Я почему-то долго смотрела, как она перекладывает сумки из одной руки в другую.

— Виктор, мы договаривались.

— Марин, не начинай. Люди всего на пару часов заедут. Сергей давно хотел с Сазоновым познакомиться, мне их надо свести. Заодно нормально пообщаемся.

— Сегодня?

— А что сегодня? Понедельник. Все равно завтра на работу.

— Ты сам предложил куда-нибудь сходить.

— И сходим. Я же не отказываюсь.

Он говорил спокойно, без раздражения. Так, словно речь шла о незначительном изменении планов: передвинуть встречу, поменять время доставки, перенести запись к парикмахеру.

— Я три недели назад забронировала столик, — сказала я.

— Значит, позвони и отмени. Господи, Марина, из-за чего мы спорим? Я сейчас занят. Не забудь только, что Лариса рыбу не ест. Лучше мясо сделай.

В трубке послышался чей-то голос.

— Да, сейчас подойду, — ответил муж уже другому человеку. — Марин, все, давай. Вечером увидимся.

Звонок закончился. Я еще некоторое время стояла возле окна с телефоном в руке, потом открыла переписку с рестораном.

«Добрый день. Подтверждаем ваше бронирование на 19 января, 19:30. Столик на двоих у окна».

Я перечитала сообщение. Сегодня мне исполнилось сорок пять лет.

Когда-то я считала этот возраст почти старостью. Представляла себя серьезной женщиной с короткой стрижкой, взрослой дочерью и мужем, с которым можно будет наконец пожить для себя.

Дочь у нас действительно выросла, а жить для себя мы почему-то так и не начали.

Я открыла номер ресторана и нажала вызов.

— Добрый день, ресторан «Гостиная», администратор Анастасия.

— Здравствуйте. У меня на сегодня столик на половину восьмого. На фамилию Ланская.

— Сейчас посмотрю. Да, вижу. Два гостя, столик у окна. Все верно?

— Да.

— Хотите уточнить что-нибудь по бронированию?

Я посмотрела на платье.

— Нет. Я хотела отменить.

— Очень жаль. Может быть, перенесем на другой день?

Надо было сказать «да». Выбрать пятницу или субботу, договориться с Виктором, снова ждать, снова надеяться.

— Пока просто отмените, пожалуйста.

— Хорошо, Марина Сергеевна. Будем рады видеть вас в другой раз.

Я поблагодарила администратора, положила телефон на кровать и села рядом. На платье лежал ценник, который я еще не успела срезать.

За три недели до дня рождения Виктор сам спросил, чего мне хочется.

Мы ужинали на кухне. Он вернулся раньше обычного, был в хорошем настроении, рассказывал о какой-то удачной проверке. Я разливала чай, когда он вдруг вспомнил:

— У тебя же скоро юбилей.

— Не юбилей. Сорок пять.

— Ну, считай, маленький юбилей. Что будем делать?

Я тогда осторожно сказала, что хотела бы провести вечер вдвоем, без гостей, его коллег и разговоров о службе. Просто сходить в хороший ресторан, посидеть, поговорить. Может быть, потом пройтись по городу, если погода позволит.

Виктор согласился сразу.

— Конечно, Марин. Забронируй что-нибудь приличное. Ты лучше знаешь.

Я обрадовалась — словно после долгого ожидания мне наконец назначили встречу. Дело было вовсе не в ресторане.

Мне хотелось поговорить с собственным мужем о нас, о том, что мы будем делать дальше. А не о том, купила ли я порошок, когда придет мастер по кондиционеру и почему дочь не отвечает на звонки.

Последние два года я все чаще думала: а что, собственно, дальше?

Двадцать четыре года брака. Взрослая дочь. Хорошая квартира, машина, накопления. Виктор дослужился до генерал-майора, занимал серьезную должность, много работал. Я редактировала книги для двух издательств и постепенно возвращалась к полноценной профессиональной нагрузке.

Со стороны у нас все было благополучно. Но стоило дочери съехать, как выяснилось, что вдвоем мы почти не разговариваем, если не считать обсуждения дел.

Виктор мог полчаса рассказывать мне о неприятностях на службе, а потом подняться из-за стола, даже не спросив, как прошел мой день.

Я несколько раз пыталась обратить на это его внимание, но он не понимал, о чем я.

— Марина, я же дома. Мы ужинаем вместе. Чего тебе не хватает?

Иногда мне самой становилось стыдно: действительно, чего мне не хватает? Не пьет, не гуляет, деньги в дом приносит, дочь любит. Значит, жаловаться вроде бы не на что.

Только по вечерам я все чаще задерживалась за компьютером, потому что идти в спальню, где муж уже смотрел новости, совершенно не хотелось.

В тот понедельник я впервые ясно почувствовала, как сильно устала ждать.

Телефон завибрировал. Увидев на экране имя дочери, я быстро провела ладонями по лицу, хотя она меня не видела.

— Привет, моя хорошая.

— Мамочка, с днем рождения!

Даша говорила так громко, словно стояла рядом.

— Спасибо, солнышко.

— Ты дома? Я только с утреннего совещания вырвалась. Хотела еще в девять позвонить, но нас там замучили с отчетами.

— Дома. Работаю понемногу.

— Папа поздравил?

— Поздравил.

Утром Виктор действительно поцеловал меня в висок, пожелал здоровья и сказал, что подарок выберем на выходных. Он всегда считал, что практичнее покупать то, что мне нужно.

— А вечером идете в ресторан? — спросила Даша.

Я не сразу ответила.

— Немного планы изменились.

— Что случилось?

— Папа гостей пригласил.

Дочь помолчала.

— Сегодня?

— Сегодня.

— На твой день рождения?

— Даш, все нормально. Не надо.

— Мам, я же ничего не сказала.

— Но собиралась.

Она тяжело вздохнула.

— Я просто думала, что вы наконец побудете вдвоем.

— Я тоже так думала.

Последние слова вырвались сами.

— Мам...

— Не переживай. Как у тебя дела? Отчет сдала?

Даша не стала настаивать.

Она рассказала про начальницу, которая трижды переписала одну таблицу, про сломавшуюся кофемашину и коллегу, принесшую на работу огромный торт без всякого повода.

Я слушала, улыбалась и постепенно успокаивалась.

— Я к тебе в субботу приеду, — сказала дочь. — Мы же договорились. И подарок привезу. Только не спрашивай какой.

— Не буду.

— Мам, а ты хоть что-нибудь для себя сегодня сделай.

Я снова посмотрела на платье.

— Сделаю.

После разговора я убрала платье в шкаф: аккуратно повесила на плечики, застегнула молнию и закрыла дверцу. Потом пошла на кухню составлять список продуктов.

***

Когда мы поженились, Виктор служил старшим лейтенантом. Мне был двадцать один год, ему двадцать девять. Он тогда постоянно мерз.

Звучит смешно, если знать его сейчас: высокий, широкоплечий генерал, который способен выйти зимой на балкон в одной рубашке и заявить, что ничего страшного, воздух полезный.

В первую нашу зиму после свадьбы мы жили в старой служебной квартире с плохо работавшими батареями. По утрам окна покрывались льдом изнутри.

Я грела воду в кастрюле, а Виктор приносил с рынка картошку и мандарины. Денег у нас было немного, зато мы постоянно что-нибудь придумывали.

На мой двадцать второй день рождения он пришел домой с маленьким тортом, слегка помявшимся по дороге. Поставил его на стол и объявил:

— Для самой красивой женщины гарнизона.

Я рассмеялась.

— А остальные женщины знают, что конкурс уже состоялся?

— Поздно. Результаты утверждены.

Он достал из кармана две свечки, нашел спички и долго пытался соорудить подставку из блюдца.

Тогда свет отключили почти сразу после ужина.

Мы сидели на кухне при свечах. Я ела торт маленькой ложкой, Виктор рассказывал какую-то совершенно нелепую историю из училища и время от времени целовал меня.

На следующее утро мне нужно было рано вставать, но я совсем не хотела ложиться спать.

Я помнила тот вечер до мелочей, даже потрескавшуюся белую чашку с синей полосой. Чашка давно разбилась, а человек, который подарил мне тот день рождения, словно постепенно исчез. Не сразу — Виктор не проснулся однажды утром совершенно другим человеком.

Сначала появились командировки, новые назначения, постоянные совещания. Родилась Даша, мы переезжали, обустраивались, искали школы, врачей, хорошие кружки.

Я работала удаленно, потому что так было удобнее всем. У Виктора становилось все больше обязанностей, а его свободное время постепенно распределилось между сослуживцами, старыми приятелями, рыбалкой и встречами выпускников. На меня его не оставалось.

Я не возражала против его друзей. Но когда предлагала провести выходные вместе, у мужа почти всегда находились обстоятельства, а стоило товарищу позвать его за город — они нередко решались сами собой.

Прошлой весной я участвовала в подготовке литературного сборника, который получил небольшую профессиональную награду.

Ничего грандиозного: встреча в городской библиотеке, вручение грамот, несколько фотографий. Но для меня это было важно. Я впервые за долгое время почувствовала, что моя работа существует не только внутри компьютера, и попросила Виктора прийти. Он обещал.

Утром в день мероприятия сообщил, что поедет с товарищем на рыбалку. О поездке они договорились накануне вечером.

— Вить, но ты же обещал.

— Марин, там не государственная премия. Неужели обязательно мне с тобой идти?

Я поехала одна. На фотографии, которую потом прислали организаторы, я стояла между двумя авторами и улыбалась. Виктор даже не спросил, как все прошло.

Осенью я предложила съездить в Казань на выходные. Показала ему гостиницу, маршрут, список мест, которые хотелось посмотреть. Он сказал:

— Давай, хорошая идея.

Через неделю сообщил, что на эти даты договорился встретиться с бывшим однокурсником.

— Так перенесем Казань, — предложил он.

Мы не поехали ни тогда, ни позже.

Я вспомнила это, когда выбирала мясо в супермаркете. На часах было почти два, а мне еще нужно было разобрать рабочие правки и подготовить ужин.

Я разглядывала упаковки в холодильной витрине и вдруг поняла, что совершенно не хочу готовить. Мне надоело устраивать праздники, на которых я только и делала, что заботилась о закусках. И дело было не в сегодняшнем ужине.

Я положила мясо обратно и достала телефон. Нашла номер ресторана, из которого мы иногда заказывали еду к семейным встречам. Через пятнадцать минут заказ был оформлен: горячее, две закуски, салат, хлеб. Дома оставалось только накрыть на стол.

Виктор любил мою запеченную говядину, но на этот раз вполне мог поесть ресторанную.

В конце концов, день рождения был у меня.

***

К четырем часам я успела закончить главу семейной саги, в которой пожилая мать пыталась заставить взрослого сына вернуться в родной город. Автор упорно писал диалоги так, словно люди заранее знали все реплики друг друга. Я несколько раз меняла замечания на полях, стараясь объяснить, почему разговор не работает.

Потом пришло письмо от выпускающего редактора.

«Марина Сергеевна, добрый день. Хотела уточнить, готовы ли вы с марта взять дополнительную серию? Нужен человек на постоянную загрузку, примерно четыре рукописи в квартал. Условия можем обсудить отдельно».

Я перечитала письмо дважды. Обычно я сразу оценивала, не помешает ли новая работа домашним планам. Будет ли удобно Виктору, если я стану больше сидеть за компьютером? Смогу ли ездить на встречи в издательство? Не придется ли переносить сроки из-за его гостей или поездок?

На этот раз мне впервые пришло в голову, что я могу просто захотеть работать больше.

Я открыла ответ.

«Добрый день, Екатерина. Предложение мне интересно. Давайте обсудим условия и график».

Отправила — и неожиданно почувствовала облегчение, хотя, казалось бы, ничего особенного не произошло.

В пять привезли заказ. Я разложила еду по посуде, достала скатерть и проверила, хватает ли бокалов.

В половине шестого Виктор прислал сообщение:

«Буду в 18:30. Сергей любит красное сухое. У нас есть?»

Я открыла шкаф. Бутылка была, и я ответила коротко:

«Есть».

Через минуту пришло новое сообщение.

«Хорошо. И цветы в гостиной поставь, я утром заказал».

Я посмотрела на букет белых роз. Его действительно доставили утром, примерно через час после ухода мужа. Вместе с цветами была карточка:

«Марине. С днем рождения. Виктор».

Я поставила розы в вазу сразу после доставки, и они уже стояли в гостиной.

Я ничего не ответила.

В шесть двадцать пошла переодеваться. Достала темно-синее платье и несколько секунд держала его перед собой, потом все-таки надела. Мне самой хотелось сегодня быть красивой, независимо от того, кто придет в гости.

Я накрасила губы, распустила волосы, надела тонкие золотые серьги и посмотрела в зеркало. Карие глаза, темные волосы до плеч, несколько морщинок возле глаз. Я выглядела хорошо — на свои сорок пять, а не на тридцать. И меня вполне устраивало то, что я видела.

Виктор пришел в половине седьмого. Щелкнул замок, затем раздался привычный шум в прихожей: ключи на тумбочку, телефон рядом, портфель на пол.

— Марин!

— Я здесь.

Он появился в дверях спальни в форменной рубашке, уставший, с красноватым следом от воротника на шее, и окинул меня взглядом.

— Ты уже нарядилась?

— Да.

— Красивое платье.

Я удивилась.

— Спасибо.

Он подошел и поцеловал меня в щеку.

— С днем рождения еще раз.

Я почувствовала знакомый запах его одеколона. Раньше от него хотелось прижаться к мужу; теперь я просто стояла.

— А что у нас с ужином? — спросил Виктор.

— Все готово.

— Говядину сделала?

— Заказала горячее из ресторана.

Он нахмурился.

— А свою почему не приготовила?

— Не захотела.

Муж посмотрел на меня внимательнее.

— Что-то случилось?

Я едва не рассмеялась. После утреннего разговора, отмененного ресторана, моего молчания он все еще нуждался в объяснении.

— Ничего нового, Витя.

— Ты обиделась из-за этих гостей?

— Да.

Он тяжело вздохнул.

— Марин, ну ты же понимаешь, что бывают обстоятельства.

— Понимаю.

— Сергей мне нужен. У нас с ним разговор важный.

— Я поняла это еще утром.

Виктор посмотрел на часы.

— Давай только без выяснения отношений сейчас. Люди скоро придут.

Я кивнула, и он ушел переодеваться, так и не спросив, хотела ли я этого вечера.

***

Гости приехали без десяти семь.

Сергей Трофимов оказался крепким, громкоголосым мужчиной чуть моложе Виктора. Его жена Елена была невысокой блондинкой в светлом костюме и сразу протянула мне аккуратно завернутую коробку конфет.

— Марина Сергеевна, поздравляем вас!

Я поблагодарила.

Андрей Сазонов приехал с супругой Ларисой, женщиной с короткими темными волосами и внимательным взглядом.

Они подарили цветы и небольшой набор для чая.

Все были вежливы. Они не виноваты, что мой муж распорядился моим днем рождения. Я пригласила их в гостиную, предложила напитки.

Виктор заметно оживился.

Он смеялся, рассказывал истории, расспрашивал Сергея о старых знакомых. Пару раз даже обнял его за плечи.

Я наблюдала за ним с каким-то новым, неприятным интересом. За привычной строгостью и усталостью все еще был человек, который умел слушать, задавать вопросы, радоваться встрече. Просто дома я видела его таким все реже.

За столом Виктор поднял бокал.

— Ну что, господа. Для начала поздравим нашу именинницу.

Все повернулись ко мне.

Я улыбнулась.

— Марина у нас женщина замечательная, — продолжил муж. — Умница, красавица, дом всегда в порядке. Дашку вырастила, со мной по гарнизонам поездить успела. Настоящая генеральская жена.

Сергей рассмеялся.

— Таких сейчас не делают!

Все подняли бокалы.

Я поблагодарила гостей.

А Виктор поцеловал меня в висок и сел.

Может быть, я должна была обрадоваться: муж сказал хорошие слова, назвал меня красавицей, похвалил за дочь и домашний уют. Только от его поздравления стало еще тоскливее.

Я любила старые фильмы, хотела научиться танцевать, мечтала увидеть море зимой, работала редактором. Но в его поздравлении всему этому не нашлось места. Он хвалил меня как хорошую генеральскую жену, словно именно это было моим главным достижением.

— Марина Сергеевна, а вы сейчас работаете? — спросила Елена, когда разговор немного стих.

— Да, редактирую книги.

— Правда? Как интересно. Художественную литературу?

— В основном. Еще иногда беру документальные проекты.

— А что конкретно делает редактор? — поинтересовалась Лариса. — Исправляет ошибки?

— Ошибки тоже. Но это скорее работа корректора. Редактор занимается структурой, логикой, стилем, помогает автору сделать текст понятнее.

— Марина у нас с книгами возится, — вмешался Виктор. — Все время за компьютером сидит. Слава богу, хоть ездить никуда не надо.

Я повернулась к нему.

— Вообще-то иногда надо. На встречи с авторами и в издательство.

— Ну, это же не каждый день.

— Не каждый.

Елена спросила:

— А вы сами не пробовали писать?

— Нет, мне нравится именно редактировать. Хорошо написанный чужой текст тоже приносит удовольствие.

— Наверное, терпения много требуется.

— Иногда больше, чем кажется.

Она рассмеялась. Мы поговорили о книгах еще несколько минут, и мне даже стало интересно.

Потом Виктор обратился к Сергею с вопросом о каком-то общем знакомом, и разговор окончательно ушел в другую сторону.

Я ела теплый салат и слушала вполуха.

Когда-то я знала почти всех его коллег по именам. Помнила, у кого дети, кто недавно переехал, кому нужна помощь с устройством в новом городе. Теперь лица и фамилии путались, да и желания запоминать их больше не было.

После горячего мужчины начали обсуждать работу — сперва осторожно, общими фразами, потом все увлеченнее.

Мне пришлось напомнить Виктору, что за столом сидят не только они.

Он послушно сменил тему минут на пять.

Лариса рассказывала о поездке к дочери в Санкт-Петербург, когда телефон мужа завибрировал.

Он прочитал сообщение, нахмурился и ответил.

Потом Сергей что-то спросил, Андрей возразил, и они снова вернулись к служебным вопросам.

Я встала за чайником.

На кухне я могла немного побыть одна. Из гостиной доносился уверенный, громкий голос Виктора; он то и дело перебивал собеседников. Я открыла шкаф, достала чайные чашки. На верхней полке стояла фотография в рамке: мы с мужем на море.

Мне двадцать шесть, ему тридцать четыре. Дашке тогда было три года, и в отпуске она каждое утро просыпалась раньше нас.

На фотографии Виктор обнимал меня сзади, прижимался щекой к моей щеке.

Я смеялась. Мы были загорелыми, уставшими, счастливыми. Я хорошо помнила тот день: мы оставили Дашу с моей мамой и впервые за несколько лет пошли гулять вдвоем. Купили кукурузу на набережной, долго сидели у воды.

Виктор тогда сказал:

— Вот вырастет мелкая, будем с тобой путешествовать. Куда захочешь.

Я повернулась к нему.

— Правда куда захочу?

— Правда. Хоть на край света.

Он поцеловал меня в нос.

Я улыбнулась фотографии и поставила чайник на поднос.

Из гостиной донеслось:

— Марина! Ты там надолго?

Я закрыла шкаф.

— Иду.

***

К десяти гости стали собираться.

Елена помогла отнести несколько тарелок на кухню.

— Вы уж извините, что мы так внезапно, — сказала она негромко.

Я посмотрела на нее.

— А вы когда узнали?

— Сергей утром сказал. Я еще спросила, удобно ли вам. Но ваш муж уверил, что все согласовано.

Она немного смутилась.

Я почувствовала неприятный укол.

— Ничего страшного.

Привычная фраза вырвалась автоматически.

Елена задержала на мне взгляд.

— Надеюсь, вы хорошо отметите день рождения и без нас.

Я не стала объяснять.

— Спасибо, что приехали.

Когда дверь за гостями закрылась, квартира сразу показалась слишком тихой.

Виктор вернулся в гостиную, достал телефон и сел на диван.

— Хорошо посидели, — сказал он.

Я стояла возле стола, собирая тарелки.

— Да.

— Сергей доволен. И Сазонов вроде нормально воспринял разговор.

— Рада.

Муж посмотрел на меня.

— Ты чего такая?

Я поставила тарелки обратно.

— Какая?

— Недовольная. С самого утра ходишь с кислым лицом.

Мне захотелось сказать, что весь вечер я улыбалась его гостям.

Но вместо этого спросила:

— Ты правда не понимаешь?

Виктор убрал телефон.

— Марина, ну сколько можно? Я же объяснил, почему пригласил людей.

— Да. Тебе нужно было познакомить Сергея с Сазоновым.

— Именно.

— А мне сегодня исполнилось сорок пять.

— Я в курсе.

— И я хотела провести этот вечер с тобой.

— Проведем другой.

— Когда?

Он пожал плечами.

— В пятницу, например. Или в субботу. Что ты так прицепилась к дате?

Я медленно села в кресло напротив.

— Потому что ты обещал.

Виктор откинулся на спинку дивана.

— Хорошо. Виноват. Все, вопрос закрыт?

Раньше этого хватило бы. Я сказала бы, что все нормально, пошла убирать посуду. Завтра мы проснулись бы, как обычно, и больше не возвращались к разговору. Но сегодня я не хотела его закрывать.

— Нет, Витя.

Он удивленно поднял брови.

— Что еще?

— Я хочу поговорить.

— О чем?

— О нас.

Виктор посмотрел на часы.

— Марин, почти одиннадцать.

— Я вижу.

— Давай завтра?

Я почувствовала, как у меня напряглись пальцы.

— Вот именно об этом я и хочу поговорить.

Он раздраженно выдохнул.

— Господи, опять.

— Что опять?

— Эти разговоры. Тебе вечно чего-то не хватает.

— Я в последний раз пыталась поговорить с тобой в ноябре.

— И что я должен был сказать?

— Не знаю. Может быть, спросить, почему мне плохо.

— Я спросил.

— Ты сказал, что у меня слишком много свободного времени.

Виктор потер ладонью лицо.

— Марина, я весь день на работе. У меня люди, ответственность, вопросы, которые нельзя отложить. А ты хочешь, чтобы я по вечерам сидел и обсуждал чувства.

— Я хочу, чтобы ты иногда разговаривал со мной.

— Мы сейчас чем занимаемся?

— Ты пытаешься закончить разговор.

Он посмотрел на меня уже без всякого терпения.

— А что конкретно тебя не устраивает? Скажи нормально.

Я растерялась: ответов было слишком много, и я не знала, с какого начать.

— Ты почти никогда не спрашиваешь, как прошел мой день.

— Спрашиваю.

— Когда?

— Ну, не веду же я учет.

— Я тоже. Поэтому и не могу вспомнить.

Он промолчал.

— Я просила тебя прийти на вручение наград весной. Ты обещал. А потом поехал на рыбалку.

— Господи, ты до сих пор это помнишь?

— Да, Виктор. Помню.

— И что такого страшного произошло? Ты получила свою грамоту без меня.

— Получила.

— Вот именно.

Я опустила глаза на собственные руки.

— А в Казань мы почему не поехали?

— Потому что не получилось.

— Ты встретился с однокурсником.

— И что? Мне нельзя с друзьями общаться?

— Можно. Конечно, можно. Только с ними у тебя получается находить время. А со мной постоянно нет.

Он резко поднялся.

— Марина, ты сейчас просто ищешь повод поссориться.

— Нет. Я пытаюсь объяснить, что мне одиноко.

Муж остановился возле окна, несколько секунд смотрел на темное стекло, потом обернулся.

— Одиноко? В нашей квартире? При таком уровне жизни?

— Витя, это вообще не связано с квартирой.

— А с чем связано?

— С нами.

— Что с нами не так? Я тебе изменяю? Пью? Деньги из дома выношу? Устраиваю скандалы?

— Нет.

— Тогда в чем проблема?

Я смотрела на него и не могла поверить, что за двадцать четыре года мы так и не научились говорить об этом.

— Мне не хватает тебя.

Он усмехнулся.

— Ну вот же я. Перед тобой.

Я отвернулась: защипало глаза. Плакать не хотелось, особенно сейчас, когда он и без того считал мои слова лишними эмоциями.

— Витя, мы с тобой давно никуда не ходим. Почти не бываем вдвоем. Ты не знаешь, над чем я работаю, с кем общаюсь, что мне интересно.

— У меня нет времени изучать твои книжки.

— Не надо изучать. Просто спроси.

— И будешь целый вечер рассказывать мне, где запятую переставила?

Я посмотрела на него.

Он, видимо, понял, что сказал что-то не то.

— Ну, не цепляйся к словам. Я устал.

— Я тоже.

— От чего ты устала?

Вопрос прозвучал искренне — и именно это оказалось самым болезненным. Я встала.

— От того, что все время пытаюсь заслужить твое внимание.

Виктор нахмурился.

— Что за глупости?

— Не глупости.

— Марина, я обеспечиваю нашу семью. Все, что у нас есть, мы вместе создавали. Ты ни в чем не нуждалась. Я никогда не запрещал тебе работать, заниматься чем хочешь. Что еще я должен сделать?

— Полюбить меня не только за то, что я удобная.

Он отступил на шаг.

— Это уже обидно.

— А ты думаешь, мне не обидно?

— Я тебе ни разу не сказал, что ты плохая жена.

— Я знаю.

— Всегда уважал.

Я глубоко вдохнула.

— А когда ты в последний раз меня обнимал просто потому, что хотел обнять?

Он открыл рот и тут же закрыл его.

— Ты сейчас серьезно?

— Да.

— Ну, не знаю. Вчера, наверное.

— Вчера ты лег спать раньше меня. Позавчера тоже.

— Значит, на прошлой неделе.

Я покачала головой.

Виктор выглядел растерянным, пожалуй, впервые за вечер.

Я вдруг вспомнила, как несколько лет назад он лежал в больнице после операции.

Ничего опасного, но ему было больно и страшно. Я сидела рядом, держала за руку, слушала врачей, записывала назначения. Ночью он проснулся и тихо сказал:

— Марин, хорошо, что ты у меня есть.

Тогда я заплакала от счастья. Важны были не красивые слова — он наконец посмотрел на меня так, словно я была ему нужна. Я много раз возвращалась мыслями к этому моменту: наверное, потому, что таких моментов становилось все меньше.

— Ты помнишь, как мы жили в первой квартире? — спросила я.

Виктор нахмурился.

— При чем здесь квартира?

— Там зимой было холодно. Ты приносил мне мандарины. На день рождения покупал торт, хотя денег почти не было.

— Помню.

— Мы тогда были счастливы.

Он отвел глаза.

— Тогда жизнь была другая, Марина.

— Знаю.

— Нельзя же все время жить как в двадцать лет.

— А я и не прошу.

— Тогда что?

— Я прошу тебя иногда видеть во мне женщину, на которой ты женился. Не только человека, который организует тебе жизнь.

Он долго молчал, потом сказал:

— Я думал, ты взрослая женщина и понимаешь, что семья держится не на романтических глупостях.

Я смотрела на него и повторяла про себя: взрослая женщина, сорок пять лет. Пора уже понимать. Не ждать, не просить, не хотеть слишком многого.

Мне вдруг стало очень спокойно. Наверное, я наконец услышала ответ. Все эти годы объясняла, просила, ждала подходящего момента, а он просто не считал мои желания важными. Сегодня он это сказал.

— Я понимаю, Виктор.

Он заметно расслабился.

— Ну вот. И хорошо. Завтра спокойно поговорим.

— Нет. Ты меня неправильно понял.

Он насторожился.

Я слышала, как стучит сердце. Страшно было даже произнести следующее слово.

— Я хочу развестись.

Тишина оказалась такой полной, что я услышала, как на кухне включился холодильник.

Виктор посмотрел на меня и коротко рассмеялся.

— Чего?

— Я хочу развода.

— Марина, прекрати.

— Я серьезно.

— Да какой развод? Тебе сорок пять лет, у нас взрослая дочь. Ты что, совсем уже?

Я почувствовала, как лицо заливает жаром.

— При чем здесь возраст?

— При том, что мы двадцать четыре года вместе. Нормальная семья, все устроено. И ты собираешься это разрушить из-за ресторана?

— Не из-за ресторана.

— А из-за чего? Из-за того, что я на рыбалку однажды съездил?

— Я сегодня целый вечер пыталась тебе объяснить.

Виктор потер переносицу.

— Так. Давай без истерик. Ты устала, я устал. Завтра все обсудим.

— Я не устраиваю истерику.

— Вот и отлично. Значит, не будем принимать глупых решений среди ночи.

Он направился к спальне.

У двери остановился.

— И не говори пока Дашке. Нечего ребенка расстраивать.

— Даше двадцать два года.

— Для меня она ребенок.

— Я пока ей ничего не говорила.

— Ну и правильно.

Он ушел. Через несколько секунд в спальне включился телевизор, а я осталась одна в гостиной.

На столе стояли недопитые бокалы. Белые розы слегка поникли от тепла. На полу возле кресла лежала забытая кем-то бумажная салфетка.

Я подняла салфетку, отнесла в мусорное ведро и вернулась к столу. Взяла первую тарелку, но остановилась и поставила ее обратно.

Убирать ничего не хотелось. Впервые в жизни я оставила праздничный стол со всей грязной посудой.

Выключила свет и ушла в маленькую комнату, где работала за компьютером. Там стоял узкий диван. Я достала из шкафа плед, подушку и легла.

В спальне за стеной громко разговаривал ведущий вечерней программы. Я слушала его несколько минут, потом взяла телефон, открыла поисковую строку и набрала:

«Развод по взаимному согласию. Взрослый ребенок. Раздел имущества».

Страницы открывались одна за другой. Я читала про совместно нажитое имущество, нотариальные соглашения, документы, а в голове мелькали привычные возражения. Где я буду жить? Что скажет Даша? Как Виктор отнесется к разделу квартиры? Смогу ли сама обеспечивать себя, если вдруг перестанут приходить заказы?

Я отложила телефон и стала смотреть в темноту. Мне не было легко.

Я любила этого человека больше половины своей взрослой жизни.

Ждала его из командировок, радовалась повышениям, переживала болезни, помогала собирать вещи перед каждым переездом.

Я знала, какой кофе он пьет, какие рубашки считает удобными, какую сторону кровати выбирает даже в гостинице. Умела понимать его по шагам в коридоре. И сейчас собиралась разрушить привычный порядок жизни. Ни другого мужчины, ни желания развлечься за этим не было: я больше не могла каждый день чувствовать себя совершенно ненужной рядом с мужем.

Я перевернулась на бок. За окном проехала машина, и свет фар на секунду лег на потолок.

Мне захотелось встать, пойти к Виктору, лечь рядом, привычно прижаться к его плечу. Сказать, что я погорячилась.

Утром он, возможно, приготовил бы мне кофе, через несколько дней мы сходили бы в ресторан. Потом все вернулось бы на круги своя. Я хорошо знала, как это бывает, и осталась на диване.

***

Меня разбудил запах кофе. Сначала я не поняла, где нахожусь, потом увидела письменный стол, стопку распечатанных страниц, чашку с засохшей чайной полоской на стенке. За окном было серое январское утро.

Я села, поправила волосы. На часах половина седьмого. Виктор уже ходил по кухне: он обычно вставал рано, даже когда мог позволить себе поспать.

Посидев несколько минут неподвижно, я поднялась и пошла умываться. В зеркале над раковиной отражалась женщина с припухшими глазами. Я умылась холодной водой, собрала волосы и вышла на кухню.

Муж сидел за столом в домашней футболке, читал что-то в телефоне. Перед ним стояла чашка.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

— Кофе будешь?

— Да.

Он встал, налил мне кофе из кофемашины, как раньше, добавил немного теплого молока и поставил чашку на стол. Я поблагодарила.

Виктор сел напротив. Мы несколько минут молчали, потом он спросил:

— Выспалась?

— Не очень.

— На диване неудобно, конечно. Зря ты туда ушла.

Я обхватила чашку ладонями.

— Мне нужно было побыть одной.

— Ладно. Бывает.

Он произнес это так буднично, что я невольно подняла глаза.

— Что бывает?

— Поссорились. Ничего страшного.

— Витя, я вчера сказала, что хочу развестись.

Он отложил телефон.

— Марина, ну давай не будем с утра.

— Нам все равно придется об этом поговорить.

— О чем говорить? Ты обиделась, сказала сгоряча. Я понял.

— Нет.

Он потер шею ладонью.

— Что нет?

— Я не сказала сгоряча.

Виктор посмотрел на меня пристально.

— Ты действительно собираешься разводиться?

— Да.

— Из-за того, что я не уделяю тебе достаточно внимания?

— В том числе.

— А какая еще причина?

Я сделала глоток кофе.

— Мы с тобой давно живем отдельно. Просто в одной квартире.

Он помолчал.

— И что ты предлагаешь?

— Развестись.

— Я услышал. Но как ты это себе представляешь?

— Нам нужно обсудить имущество. Даша взрослая, живет отдельно. Мы можем договориться спокойно.

Муж усмехнулся.

— Ты уже и имущество делишь?

Мне стало неприятно.

— Я пока ничего не делю. Я говорю, что нам придется это обсудить.

— Значит, ночью уже все решила.

— Я думала об этом не одну ночь.

Он отодвинул чашку.

— Сколько?

— Несколько месяцев серьезно. А вообще гораздо дольше, — ответила я не сразу.

Виктор смотрел на меня так, словно я сообщила ему о каком-то совершенно невероятном поступке.

— И молчала?

— Я не молчала.

— О разводе молчала.

— О том, что мне плохо, я говорила много раз.

— Но это ведь разные вещи!

— Да. Разные.

Он встал из-за стола и прошел к окну. Я смотрела на его спину. Большой, сильный мужчина, за которым я столько лет привыкла искать защиту. Теперь меня пугал не его гнев, а возможность наконец услышать то, чего я ждала все последние годы. Вдруг он попросит остаться — без приказа, без раздражения? Просто попросит. И я снова начну сомневаться.

Но Виктор сказал другое:

— Я считаю, что ты совершаешь огромную ошибку.

Я кивнула.

— Возможно.

Он резко повернулся.

— И все равно будешь настаивать?

— Да.

— Хорошо.

Это прозвучало неожиданно жестко.

— Раз тебе так хочется, давай разведемся, — продолжил он. — Только потом не говори, что я тебя не предупреждал. Самостоятельная жизнь не такая простая, как тебе кажется.

Я поставила чашку.

— Я знаю, что будет непросто.

— Вот и посмотрим.

Он вышел из кухни. Через несколько минут закрылась дверь ванной, а я все еще сидела за столом.

Странное дело: облегчения я не чувствовала. Ожидала слез, паники, желания немедленно все отменить, а осталась только усталость. Словно всю ночь несла тяжелую сумку и наконец поставила ее на пол. Еще предстояло решить, куда идти дальше, зато больше не нужно было притворяться, что сумка ничего не весит.

***

Когда Виктор уехал, я первым делом открыла рабочую почту.

Екатерина ответила еще вчера вечером: предлагала созвониться в среду после обеда, обсудить новую серию и оплату. Я написала, что буду свободна.

Потом закончила правки в рукописи, которые не успела проверить вчера.

Работа требовала внимания. Я заставляла себя читать каждое предложение, сверять имена, следить за последовательностью событий.

Около одиннадцати сделала перерыв. В гостиной по-прежнему стояла грязная посуда. Я собрала тарелки, загрузила посудомоечную машину и вытерла стол. Обычная уборка после ужина, но теперь я знала, что не хочу встречать следующий день рождения так же.

В двенадцать нашла контакты юриста, которого когда-то рекомендовала знакомая, и позвонила в приемную.

— Добрый день. Мне нужна консультация по расторжению брака и разделу имущества.

Девушка спросила, есть ли у нас несовершеннолетние дети, согласен ли супруг на развод и какие вопросы я хотела бы обсудить.

Я отвечала спокойно и в какой-то момент словно услышала собственный голос со стороны. Удивительно, что я могла произносить все это без слез.

Консультацию назначили на среду, на десять утра. Я записала адрес и перечень документов, потом достала из шкафа папку: паспорт, свидетельство о браке, документы на квартиру, сведения о счетах, копии договоров.

Я всегда хранила семейные бумаги в порядке. Виктор часто шутил, что без меня не найдет даже собственное свидетельство о рождении. Мне было приятно, что он на меня полагается. Теперь это умение пригодилось совсем для другого.

Я раскладывала документы на столе, когда зазвонил телефон.

Виктор.

— Да?

— Ты дома?

— Дома.

— Я подумал насчет вчерашнего.

Сердце невольно сжалось.

— Слушаю.

— Ты, наверное, сильно устала. Заказы свои взяла, сидишь целыми днями. Может, тебе на недельку куда-нибудь съездить? В санаторий, например. Отдохнешь, успокоишься.

— Виктор, мне не нужен санаторий, — сказала я, прикрыв глаза.

— Марин, ну что ты сразу в штыки?

— Я не в штыки. Просто отдых не решит нашу проблему.

— Ты опять за свое.

Я посмотрела на документы.

— Я записалась к юристу.

В трубке повисла тишина.

Потом Виктор спросил:

— Когда?

— Завтра.

— Быстро ты.

— Я хочу понять, как все правильно оформить.

Он некоторое время молчал.

— И что тебе от меня нужно?

— Нам необходимо договориться о разделе имущества. Я не собираюсь ничего делать за твоей спиной.

— Ты думаешь, я тебя без денег оставлю?

— Нет.

— Тогда зачем все это?

— Чтобы мы оба понимали, о чем договариваемся.

Он шумно выдохнул.

— Ладно. Я сейчас занят.

— Я понимаю.

— Вечером поговорим.

Я посмотрела на часы.

— Давай в субботу в двенадцать. У тебя будет время спокойно все обсудить?

— Марина, я еще не знаю, что у меня в субботу.

— Тогда предложи другое время. Но давай определимся сегодня.

Он замолчал.

Я ждала.

Раньше я обязательно добавила бы, что подстроюсь под его график: можем поговорить ночью, утром, в машине, когда ему будет удобно. На этот раз ничего не добавила.

— В субботу в двенадцать, — наконец сказал Виктор. — Постараюсь освободиться.

— Хорошо. Я запишу.

— Ты действительно все это серьезно?

Я посмотрела на папку со свидетельством о браке. Из-под него выглядывала наша старая фотография: мы молодые, Виктор улыбается. Тогда он улыбался гораздо чаще.

Мне вдруг захотелось спросить его, когда именно мы перестали быть счастливыми. Но он вряд ли знал ответ, как и я сама.

— Да, Витя, — ответила я. — Серьезно.

Он попрощался и отключился. Я открыла календарь, поставила встречу на субботу, двенадцать часов, потом закрыла папку и убрала документы в отдельный ящик стола.

За окном снова пошел снег, на кухне тихо работала посудомоечная машина. На экране компьютера ждала недочитанная рукопись.

Впервые за долгое время я не стала проверять, не забыла ли купить что-нибудь к ужину для мужа.

Я открыла письмо Екатерины, еще раз перечитала предложение о работе и достала блокнот. Нужно было составить список вопросов к завтрашней консультации. Написала дату, а под ней вывела:

«Мое жилье. Моя работа. Мои деньги».

Посмотрела на эти три короткие строки.

Потом дописала четвертую:

«Что я хочу сама?»

Ответа у меня пока не было. Но впервые за много лет мне действительно хотелось его найти.

Глава 2. Мой новый адрес

В среду утром я впервые за двадцать четыре года брака пошла к юристу одна.

Не потому, что собиралась что-то скрыть. Виктор знал о консультации. Просто раньше любое серьезное дело мы либо решали вместе, либо он решал сам, а я занималась тем, что оставалось.

В девять пятнадцать я стояла перед зеркалом в прихожей и выбирала между двумя сумками.

Большая коричневая была удобнее. В нее помещались документы, блокнот, бутылка воды и еще половина квартиры на случай непредвиденных обстоятельств.

Маленькая черная выглядела лучше.

Я взяла коричневую.

Привычки менялись медленнее, чем решения.

На улице подморозило. Тротуары покрылись тонкой коркой льда, машины ползли по двору осторожно, а возле подъезда дворник с таким ожесточением скреб асфальт, словно тот лично испортил ему утро.

Я добралась до юридической конторы за двадцать минут до назначенного времени.

Приемная находилась на втором этаже старого здания. Светлые стены, кофемашина, несколько кресел. Никаких мрачных коридоров, которые я почему-то ожидала увидеть.

Администратор предложила чай. Я отказалась, потом передумала. Пальцы замерзли.

Когда меня пригласили в кабинет, я уже успела дважды перечитать список вопросов и придумать три причины, по которым могла бы уйти.

За столом сидела женщина примерно моего возраста. Темные волосы собраны в низкий пучок, очки в тонкой оправе, рядом с клавиатурой чашка с надписью «Спокойствие. Только спокойствие».

— Марина Сергеевна? Проходите. Меня зовут Наталья Андреевна.

Она указала на кресло.

— Расскажите, что у вас произошло.

Я открыла папку.

— Я хочу развестись с мужем. Мы прожили вместе двадцать четыре года. Дочь взрослая, живет отдельно. Муж, насколько я понимаю, не против. Но у нас есть совместное имущество, и я хотела бы разобраться, как правильно его разделить.

— Хорошо. Начнем с имущества.

Наталья Андреевна спокойно, не торопясь расспрашивала о квартире, машине, накоплениях, датах приобретения и источниках средств. Были ли кредиты, обязательства, брачный договор.

Я отвечала и раскладывала бумаги.

Оказалось, что почти все нужное я принесла с собой.

— Вы хорошо подготовились, — заметила юрист.

— Я обычно занимаюсь документами в семье.

— Это видно.

Она просмотрела записи и объяснила, какие сведения нужно уточнить, как можно оформить соглашение о разделе имущества и почему важно не ограничиваться устными обещаниями.

Я старательно записывала.

В какой-то момент Наталья Андреевна отложила ручку.

— Марина Сергеевна, можно один вопрос?

— Конечно.

— Вы уверены, что супруг согласен на развод?

— Вчера сказал, что согласен.

— А до этого?

— Сначала решил, что я обиделась.

Юрист кивнула.

— Тогда лучше подготовиться и к тому, что он изменит позицию. Не потому, что это обязательно случится. Просто вам нужно понимать оба варианта.

Я почувствовала, как неприятно сжался желудок.

— Он может не дать развод?

— Удержать вас в браке против вашей воли не получится. Но процедура может занять больше времени, если он передумает.

Мне стало легче дышать: появился понятный порядок действий. Это не значило, что все будет просто. Но убеждать Виктора, что мое одиночество — достаточно серьезная причина, больше не требовалось. Я имела право закончить брак, даже если он считал мое решение глупостью.

— А если он согласится на соглашение по имуществу? — спросила я.

— Тогда можно существенно упростить процесс. Но сначала нужно договориться о конкретных суммах, объектах и сроках.

Мы обсуждали это почти час.

К концу консультации у меня был список необходимых документов и несколько возможных вариантов раздела.

Уже у двери Наталья Андреевна спросила:

— Вы давно приняли решение?

Я задержалась.

— Наверное, гораздо раньше, чем призналась себе.

Она не стала расспрашивать.

— Постарайтесь сейчас ничего не подписывать без проверки. И не принимайте решения только потому, что вам неудобно настаивать на своем.

Последняя фраза попала точно в цель.

Я смущенно улыбнулась.

— Это заметно?

— Вы три раза сказали, что не хотите доставлять мужу лишних хлопот.

Я посмотрела на папку.

— Правда?

— Правда. Раздел имущества — не просьба об одолжении. Вы договариваетесь о том, что принадлежит вам обоим.

Я поблагодарила ее и вышла.

На улице светило холодное зимнее солнце.

Я остановилась возле входа, достала телефон и открыла заметки. Записала главное, пока ничего не забыла.

Потом вдруг поняла, что до следующей встречи у меня больше часа.

Раньше я бы немедленно поехала домой — проверить холодильник, запустить стирку, приготовить что-нибудь на ужин.

Теперь мне совершенно не хотелось возвращаться в квартиру, где каждый предмет напоминал о человеке, с которым я собиралась расстаться.

Через дорогу находилась маленькая кофейня. Я зашла туда, заказала капучино и кусок лимонного пирога. Села у окна. На столике стояла стеклянная вазочка с веточкой эвкалипта.

Я сделала глоток кофе, отрезала кусочек пирога. Он оказался слишком сладким, но я съела его целиком.

Никто не торопил меня, не спрашивал, зачем я трачу деньги в кафе, если дома есть кофемашина.

Я просто сидела и смотрела на прохожих.

Свобода пока выглядела довольно скромно.

Кофе, пирог и сорок минут, которые принадлежали только мне.

Но мне понравилось.

***

Виктор вернулся в пятницу поздно.

Я уже собиралась ложиться, когда услышала, как открылась входная дверь.

— Марина!

Я вышла в коридор.

Муж стоял возле тумбочки и пытался одной рукой расстегнуть часы.

— Ужин есть?

— В холодильнике. Курица и овощи.

— Разогреешь?

Я посмотрела на него.

Он ждал привычного ответа. Не сердился и не приказывал — задал обычный вопрос, на который последние двадцать лет слышал: конечно, разогрею, сейчас принесу, садись, отдыхай.

— Микроволновка работает, — сказала я.

Виктор медленно поднял голову.

— Что?

— Ужин в контейнере на второй полке. Пять минут, и будет горячий.

Он нахмурился.

— Ты уже спать собиралась?

— Да.

— Ладно, сам разогрею.

Я кивнула.

Но когда повернулась, услышала:

— Что с тобой происходит, Марин?

Я остановилась.

— Мы же обсуждали.

— Не про развод сейчас. Ты какая-то чужая стала.

Я обернулась. Муж стоял в полутемном коридоре, все еще держа часы в руке. Он выглядел уставшим. И почему-то мне захотелось подойти, помочь снять часы, спросить, как прошел день. Я почти сделала шаг.

Потом вспомнила, что сама еще не ужинала, потому что до девяти работала, а после собирала документы.

И он ни разу не спросил, не устала ли я.

— Я просто больше не хочу делать все по привычке, Витя.

— То есть теперь принципиально не будешь мне ужин греть?

— Я приготовила ужин. Он в холодильнике. Разве этого недостаточно?

Муж посмотрел на меня так, словно я предложила ему самому построить кухню.

— Понятно.

Я не стала выяснять, что именно ему понятно.

Пожелала спокойной ночи и ушла в рабочую комнату. С тех пор как мы поговорили о разводе, я спала там. Виктор дважды предлагал вернуться в спальню. Оба раза так, будто между нами ничего не изменилось.

Мне было трудно объяснить, почему я не могла просто лечь рядом. Я все еще любила его и, наверное, именно поэтому боялась: почувствую знакомое тепло плеча, услышу дыхание — и снова захочу поверить, что мы справимся. А жить одной надеждой больше не хотела.

***

В субботу Виктор пришел на кухню без пяти двенадцать.

Я приготовила чай, разложила документы и составленный юристом предварительный перечень имущества.

Он посмотрел на бумаги.

— Ты прямо серьезно подготовилась.

— Я предупреждала.

— Вижу.

Муж сел напротив. На нем были домашние брюки и темно-синяя футболка, которую я купила ему прошлым летом. Я вдруг заметила, что она немного выцвела. Раньше обязательно предложила бы купить новую. Теперь подумала, что он и сам способен заметить такие вещи.

— Давай, — сказал Виктор. — Что у тебя?

Я показала ему список.

Основная квартира, приобретенная в браке. Машина. Банковские накопления. Еще несколько небольших счетов.

— Я предлагаю оставить квартиру тебе, — сказала я. — Машину тоже. Мне нужна компенсация за мою долю, чтобы я могла купить жилье. И половина общих накоплений.

Виктор поднял глаза.

— Квартиру мне?

— Да. Она большая. Мне столько места не нужно.

— А жить где будешь?

— Сначала сниму, потом куплю небольшую квартиру.

— Ты уже все придумала.

— Пока только варианты.

Он долго изучал бумаги.

Потом откинулся на спинку стула.

— Марин, ты ведь понимаешь, что мы можем вообще ничего не делить?

Я насторожилась.

— В каком смысле?

— В прямом. Не разводиться. Пожить отдельно, если тебе хочется. Снять тебе квартиру. Отдохнешь от меня.

Я посмотрела на него.

— Зачем?

— Затем, что у всех бывают кризисы. Люди по двадцать лет вместе живут, потом начинают чудить. Зачем сразу все ломать?

Мне хотелось спросить, почему он заговорил о кризисе только теперь. Почему раньше мои попытки обсудить отношения вызывали раздражение. Но я уже знала ответ. Пока я оставалась дома, у него не было причин что-либо менять.

— Я не хочу временно отдохнуть от тебя, Виктор. Я хочу развестись.

Он потер ладонью затылок.

— Ты хоть представляешь, как это будет выглядеть?

Я не сразу поняла.

— Что именно?

— Наш развод. У меня должность. Люди. Все знают, что мы двадцать четыре года вместе.

— И?

— Начнут спрашивать. Придумывать.

— Пусть спрашивают.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Тебе все равно?

— Мне неприятно. Но я не собираюсь оставаться в браке только ради того, чтобы знакомые ничего не обсуждали.

Виктор постучал пальцами по столу.

— А если Даша расстроится?

— Она расстроится. Конечно. Это ее родители разводятся.

— Вот видишь.

— Но она взрослая. Мы не должны заставлять ее жить с последствиями нашего решения больше, чем необходимо.

Он покачал головой.

— Ты стала какая-то жесткая.

Слова задели. Жесткой я себя совсем не чувствовала — казалось, еще одно замечание, и расплачусь прямо на кухне. Но заставила себя продолжить.

— Давай вернемся к имуществу.

Виктор посмотрел на список.

— Сколько ты хочешь за квартиру?

Я назвала сумму, которую мы предварительно обсудили с юристом, исходя из примерной стоимости жилья.

Муж удивленно поднял брови.

— Немало.

— Это не окончательный расчет. Нужно будет уточнить оценку и остатки по счетам.

Он взял ручку.

— Машину оставляем мне?

— Да.

— Дачного участка у нас нет. Счета проверим. Хорошо.

Я не поверила своим ушам.

— Ты согласен?

— Я сказал, что посмотрим цифры. В целом согласен.

— Спасибо.

Он усмехнулся.

— За что спасибо? Это и мои деньги тоже.

Я опустила глаза.

— Я знаю.

— Просто не хочу устраивать цирк. У тебя же сейчас настроение такое. Думаешь, что стоит уйти от мужа, и сразу жизнь другой станет.

Я промолчала.

Виктор придвинул бумаги обратно.

— Развод оформим спокойно. Только я уверен, что через пару месяцев ты сама поймешь, что натворила.

— Возможно, ты так думаешь.

— Не думаю. Знаю.

Он встал.

— Когда у тебя следующая встреча с юристом?

Я назвала дату.

— Хорошо. Только мне бумаги заранее покажи.

— Конечно.

Муж уже направился к выходу, когда обернулся.

— Марин, а ты точно никого себе не нашла?

Я застыла.

— Что?

— Мужчину, спрашиваю. Может, поэтому такая решительная?

Я почувствовала, как щеки вспыхнули.

— Нет, Виктор.

— Точно?

— У меня никого нет.

Он посмотрел на меня несколько секунд.

Потом кивнул, будто услышал ожидаемый ответ.

— Ну вот. Значит, просто возрастное. Бывает.

Я медленно убрала документы в папку.

Мне было сорок пять.

И мой муж только что объяснил желание развестись возрастом.

***

Даше я рассказала о разводе через неделю. Не по телефону. Я пригласила дочь в кафе, где мы иногда встречались по субботам.

Она пришла в светлом пуховике, с красными от мороза щеками и большой сумкой через плечо.

— Мам, привет!

Обняла меня, поцеловала.

— Ты чего такая серьезная? Что-то случилось?

Я дождалась, пока мы закажем кофе.

Потом сказала:

— Даш, мы с папой разводимся.

Она замерла.

— Что?

— Мы решили расторгнуть брак.

— Подожди. В смысле решили?

Я посмотрела на нее.

— Я предложила развод. Папа согласился.

Дочь медленно поставила чашку.

— Когда?

— После моего дня рождения.

Она молчала.

На ее лице недоверие сменилось растерянностью, потом обидой.

— И ты только сейчас говоришь?

— Я хотела сначала понять, как все будет.

— А мне нельзя было сказать?

— Можно. Прости. Мне нужно было немного времени.

Даша отвернулась к окну.

— Господи.

Я ждала.

Она провела пальцами по краю салфетки.

— Вы же столько лет вместе.

— Да.

— Вы поссорились?

— Не совсем.

— Папа тебе изменил?

— Нет.

Она снова посмотрела на меня.

— Тогда что произошло?

Я осторожно подбирала слова. Не хотела превращать разговор с дочерью в список претензий к ее отцу.

— Мы давно перестали быть близкими людьми, Даш. Я пыталась это изменить, но не получилось.

— Мам, у всех родителей так. Они же не могут всю жизнь друг другу в глаза смотреть.

— Я и не жду этого.

— Может, вам просто отдохнуть надо? Съездить куда-нибудь?

Я грустно улыбнулась.

— Я предлагала.

— Ну так сейчас поезжайте.

— Даш, решение уже принято.

Она откинулась на спинку кресла.

— Папа знает, что ты мне рассказываешь?

— Да. Мы договорились, что я сама с тобой поговорю.

— А он что?

— Считает, что я передумаю.

Даша долго молчала.

Потом тихо спросила:

— Ты его больше не любишь?

Этого вопроса я боялась. Сказать «нет» было бы проще: дочь хотя бы поняла причину. Но врать я не хотела.

— Я не знаю, как правильно ответить. Он очень долго был самым близким мне человеком. Наверное, такие чувства не исчезают за один день.

— Тогда зачем разводиться?

Я посмотрела на дочь. Она была так похожа на Виктора в молодости. Тот же упрямый подбородок. Такой же внимательный взгляд, когда пыталась разобраться в сложной ситуации.

— Потому что одной любви недостаточно, если люди давно не умеют быть вместе.

Даша сжала губы.

— Мне кажется, ты просто устала.

— Я действительно устала.

— Тогда надо отдохнуть.

— Солнышко, я не принимаю решение после одной ссоры. Я думала об этом много месяцев.

Она опустила глаза.

— Папа сказал, что ты обиделась из-за гостей.

Я медленно выдохнула.

Значит, они уже разговаривали.

— Гости стали последней каплей. Но дело не только в них.

— А он говорит, что ты даже не дала ему возможности все исправить.

Я почувствовала знакомую боль.

— Даша, я много раз говорила папе, что мне плохо. Я не хочу перечислять тебе наши разговоры. Это отношения между мной и ним.

Дочь посмотрела на меня.

— Но я же ваша дочь.

— Именно поэтому я не хочу заставлять тебя выбирать сторону.

Ее глаза наполнились слезами.

— А как мне теперь быть? Я же вас обоих люблю.

Я протянула руку через стол.

— Так и люби. Ты ничего не должна менять в отношениях с папой из-за нашего развода.

Она взяла меня за пальцы.

— Ты правда уверена?

— Да.

— И где ты будешь жить?

— Сначала сниму квартиру. Потом куплю свою.

— А деньги?

— Мы договорились о разделе имущества.

Даша растерянно покачала головой.

— У вас уже все серьезно.

— Да.

Мы посидели молча.

Потом она спросила:

— Мам, а ты не боишься?

Я посмотрела на нее. Хотела заверить, что все хорошо, что я взрослая, разумная женщина и прекрасно справлюсь. Но дочь уже достаточно выросла, чтобы услышать правду.

— Боюсь.

— Очень?

— Иногда очень.

Она крепче сжала мою руку.

— Ты хотя бы звони мне, ладно?

Я улыбнулась.

— Буду.

— И не надо делать вид, что у тебя все прекрасно.

Мне стало стыдно.

Ведь именно этим я занималась много лет.

— Постараюсь.

Даша встала, обошла стол и обняла меня. Я прижалась к ней лицом. Моя девочка давно стала взрослой. А я все еще помнила, как она просилась ко мне на руки после детского сада и жаловалась, что мальчик из группы забрал ее карандаши. Теперь она сама гладила меня по плечу.

— Мам, я не знаю, правильно ли ты делаешь, — прошептала дочь. — Но я тебя люблю.

Я закрыла глаза.

— И я тебя, солнышко.

***

Февраль оказался месяцем коробок, расчетов и неприятных разговоров.

Виктор сдержал слово.

Мы согласовали стоимость имущества, проверили счета, подготовили соглашение. Окончательные цифры отличались от моих первоначальных расчетов, но не настолько, чтобы менять решение.

Наталья Андреевна проверяла документы, Виктор привлек своего специалиста. Несколько раз мы спорили о деталях.

Однажды он раздраженно бросил:

— Ты что, думаешь, я собираюсь тебя обмануть?

Я ответила:

— Нет. Но мне важно, чтобы мы оба понимали, что подписываем.

Он не сразу привык к тому, что я больше не уступала только ради окончания разговора.

Когда нотариальное соглашение наконец было оформлено, Виктор сказал:

— Теперь довольна?

Я посмотрела на подписи.

— Я рада, что мы договорились.

Он отвернулся.

Наверное, ждал другого ответа.

В начале февраля я сняла небольшую однокомнатную квартиру недалеко от центра, на четвертом этаже, с окнами во двор. Старый диван, круглый обеденный стол, странная люстра с тремя стеклянными шариками. В ванной шумел вентилятор, на кухне немного заедал нижний ящик. Но мне понравились широкие подоконники и то, что до остановки можно было дойти за пять минут.

Хозяйка, полная женщина лет шестидесяти, внимательно посмотрела на меня.

— Одна будете жить?

— Одна.

— Муж?

Я замялась.

— Разводимся.

Она кивнула.

— Понятно. У меня дочка тоже разводилась. Ничего, справилась. Только сразу скажите, если кран потечет. У нас тут сантехник хороший.

Я неожиданно рассмеялась.

— Хорошо.

Когда она ушла, я осталась посреди комнаты с двумя чемоданами. В квартире пахло чистящим средством и свежевыстиранными шторами. Я подошла к окну. Внизу мальчик в красной шапке пытался слепить снежок из почти растаявшего снега. Его мать терпеливо ждала рядом.

Я смотрела на них и никак не могла поверить, что теперь живу здесь отдельно от мужа. Не в гостинице и не на время командировки.

Вечером Виктор позвонил.

— Устроилась?

— Да.

— Нормальная квартира?

— Вполне.

— Могла бы не торопиться со съемом.

— Мне так спокойнее.

Он помолчал.

— Вещи все забрала?

— Пока не все. Остальное на выходных.

— Ладно.

Я ждала, что он скажет что-нибудь еще.

Может быть, спросит, не страшно ли мне одной в новом месте.

Или хотя бы пожелает спокойной ночи.

Но Виктор сказал:

— Ты запасные ключи от нашей квартиры не потеряй. Еще приезжать будешь.

— Я верну их, когда заберу вещи.

Он недовольно хмыкнул.

— Как знаешь.

После разговора я села на диван; пружины неприятно скрипнули. Посмотрела на пустой стол, чемоданы, телефон — и расплакалась. Тихо, почти беззвучно. Возвращаться я не хотела.

Было жалко нас прежних: молодых людей в холодной квартире, деливших один апельсин на двоих и уверенных, что никогда не перестанут разговаривать друг с другом. Я плакала о себе двадцатилетней и о мужчине, которого когда-то любила без всяких оговорок.

Потом пошла в ванную, умылась и заказала себе ужин.

Есть пришлось за круглым столом, на котором еще лежал договор аренды.

Я включила старую комедию.

Никто не попросил переключить канал на новости.

И я досмотрела фильм до конца.

***

Работы стало больше.

Екатерина предложила мне постоянное сотрудничество с издательством. Не полный рабочий день в офисе, а стабильный объем рукописей, понятные сроки и возможность дважды в месяц приезжать на редакционные встречи.

Я согласилась.

Первый большой проект оказался трудным.

Исторический роман с множеством персонажей, запутанной хронологией и героем, который в одной главе был старше собственной сестры на семь лет, а в следующей внезапно оказывался младше.

Я сидела над рукописью до позднего вечера. Составляла таблицы, сверяла даты, писала автору замечания. Иногда уставала так, что хотелось закрыть компьютер и больше никогда не видеть ни одного чужого предложения. Но утром снова открывала текст.

Мне нравилось, что у меня была работа, которую я умела делать хорошо. Дело, а не приложение к должности мужа или занятие на свободное время.

В конце февраля Екатерина пригласила меня в издательство.

Мы обсуждали новый договор почти два часа.

После встречи она проводила меня до выхода.

— Марина Сергеевна, можно скажу?

— Конечно.

— Я давно хотела предложить вам больше работы. Но вы каждый раз говорили, что у вас семейные обстоятельства, поездки, непредсказуемый график.

Я почувствовала неловкость.

— Да. Так и было.

— Сейчас что-то изменилось?

Я посмотрела на папку с документами.

— Да. Я развожусь.

Екатерина смутилась.

— Простите, я не знала.

— Ничего страшного.

Она помолчала.

— Надеюсь, у вас все будет хорошо.

Я улыбнулась.

— Я тоже.

Уже на улице телефон завибрировал.

Сообщение от Виктора.

«Завтра приедешь? Надо разобрать кладовку. Я там твои коробки переставил».

Я остановилась возле входа.

Раньше обязательно приехала бы в удобное для него время.

Но завтра у меня была рабочая встреча, а потом я собиралась забрать заказ из магазина.

Я написала:

«Завтра не смогу. Приеду в воскресенье в одиннадцать, как договаривались».

Ответ пришел почти сразу.

«В воскресенье у меня дела».

Я несколько секунд смотрела на экран.

Потом напечатала:

«Тогда оставь коробки в прихожей. Я заберу их в понедельник вечером, если тебе удобно».

Виктор не отвечал минут десять.

Наконец появилось:

«Ладно».

Я убрала телефон и улыбнулась. Победы над Виктором я не праздновала: просто впервые за много лет мой рабочий день оказался достаточной причиной не менять планы.

***

Третьего марта я подписала договор купли-продажи своей квартиры. Небольшая двухкомнатная на пятом этаже, в хорошем состоянии, с широким кухонным окном и маленькой комнатой под кабинет. Дом стоял в спокойном районе недалеко от парка, до издательства было удобно ехать.

Я просмотрела много вариантов: в одном пахло сыростью, в другом оказались слишком низкие потолки. В третьем продавец уверял, что темный коридор — преимущество: не придется тратиться на шторы. А сюда я вошла и сразу представила, где поставлю письменный стол.

Риелтор рассказывала про трубы, окна, документы, а я смотрела на маленький балкон. На нем помещалось два кресла, и мне захотелось когда-нибудь сидеть там с книгой. Читать, не ожидая мужа с работы и не следя за временем.

Перед сделкой я снова консультировалась с юристом, проверяла документы и несколько раз пересчитывала бюджет.

Деньги на покупку складывались из компенсации за мою долю в общем имуществе и части накоплений, полученной по соглашению.

После оформления у меня оставался финансовый запас — не огромный, но достаточный, чтобы не паниковать из-за каждого счета.

В день подписания я вышла из офиса с папкой документов и села на ближайшую скамейку.

Было холодно. Над дорогой висело низкое серое небо. Я достала телефон. Хотела позвонить Виктору. Пальцы сами нашли его номер. Я даже успела открыть контакт.

Потом остановилась.

Мне хотелось поделиться радостью. Двадцать четыре года первым человеком, которому я рассказывала важные новости, был муж. Даже когда он не слушал внимательно, я все равно звонила ему.

Я закрыла контакт и набрала Дашу.

— Мам, привет. Что случилось?

— Я купила квартиру.

На том конце повисла тишина.

Потом дочь вскрикнула:

— Что?!

Я рассмеялась.

— Двухкомнатную. Небольшую. С балконом.

— Мам! Ты серьезно?

— Абсолютно.

— И почему ты мне ничего не сказала?

— Боялась сглазить.

— Так! Я вечером приеду. Покажешь?

— Ключи передадут после завершения оформления и расчетов. Но могу фотографии прислать.

— Присылай немедленно!

Я отправила снимки.

Даша перезвонила через минуту.

— Мам, там такая кухня!

— Мне тоже понравилась.

— И маленькая комната под кабинет подойдет. Ты же хотела отдельный стол, чтобы никто не мешал.

Я замерла.

Дочь помнила. Я действительно давно мечтала о своем кабинете. В нашей большой квартире у Виктора была отдельная комната для работы, а мой стол стоял возле окна в гостевой. Когда приезжали родственники, мне приходилось переносить ноутбук и бумаги в спальню.

— Да, — тихо сказала я. — Именно там поставлю стол.

— Мам, я за тебя рада.

Я прижала телефон к уху.

— Спасибо, солнышко.

После разговора еще долго сидела на скамейке.

Потом встала и пошла домой.

Точнее, пока в съемную квартиру.

Но впервые в жизни я знала, что скоро у меня будет собственный адрес.

***

Двенадцатого марта мы с Виктором официально развелись.

Он приехал раньше меня.

Стоял возле входа в отдел ЗАГС, разговаривал по телефону.

На нем было темное пальто и серый шарф.

Я помнила, как выбирала этот шарф на прошлый Новый год. Искала мягкую шерсть, чтобы не раздражала кожу.

Увидев меня, муж закончил разговор.

— Привет.

— Привет.

Он посмотрел на часы.

— Ты вовремя.

— Да.

Мы вошли внутрь.

Процедура оказалась гораздо проще, чем я представляла: ни длинной речи, ни вопросов о том, почему мы решили расстаться.

У нас были взрослый ребенок, взаимное согласие и заранее поданное заявление. В назначенный день оставалось завершить регистрацию расторжения брака.

Когда сотрудница произнесла, что наш брак прекращен, я почувствовала странную пустоту. Ни боли, ни облегчения — словно закрыли дверь в комнате, где я прожила много лет.

Мне выдали свидетельство. Я посмотрела на несколько строк, печать, дату. За ними были двадцать четыре года.

На улице Виктор остановился возле машины.

— Ну что, довольна?

Я вздохнула.

— Витя, давай не будем.

Он посмотрел на меня.

— Я ведь до последнего думал, что ты передумаешь.

— Знаю.

— И все равно не остановилась.

— Нет.

Муж помолчал.

— Ты хоть понимаешь, что теперь свободная женщина?

Я невольно улыбнулась.

— Кажется, начинаю.

Ему моя улыбка не понравилась.

— Не обольщайся. В сорок пять лет начинать все сначала сложнее, чем тебе кажется.

Я посмотрела на него.

— Наверное.

— Привыкла, что все устроено. А теперь сама будешь решать проблемы.

— Да.

Он ожидал возражений.

Я это видела.

Наверное, хотел услышать, что мне страшно, что я не уверена, что еще можно все исправить.

Но спорить не хотелось.

Виктор неожиданно смягчился.

— Марин, если что-то понадобится, звони.

Я кивнула.

— Спасибо.

— Я серьезно.

— Я знаю.

Он открыл дверь машины.

Потом остановился.

— Только не делай вид, что у нас ничего не было.

Я почувствовала, как сжалось горло.

— Я никогда так не делала.

Он посмотрел на меня несколько секунд.

Потом сел за руль.

Я отошла на тротуар.

Машина выехала со стоянки и скрылась за поворотом.

Я осталась возле здания. Люди проходили мимо: кто-то торопился на работу, кто-то разговаривал по телефону, женщина с коляской объезжала грязную лужу. Никому не было дела, что я только что закончила брак длиной почти в четверть века. Вокруг все шло своим чередом, и мне стало легче думать, что моя жизнь тоже может продолжаться.

***

В новую квартиру я переехала в середине марта.

Даша приехала помогать с вещами.

Она привезла два пакета продуктов, набор полотенец и маленький кактус в желтом горшке.

— Вот, — сказала она, торжественно устанавливая растение на подоконник. — Чтобы у тебя здесь кто-нибудь был.

Я посмотрела на кактус.

— Очень общительный, наверное.

— Мам, зато неприхотливый.

Мы рассмеялись. Потом разбирали коробки. Даша складывала книги, я развешивала одежду.

В какой-то момент дочь нашла старый фотоальбом.

— Мам, смотри!

Она открыла его на фотографии, где мы с Виктором стояли перед нашим первым домом. Он обнимал меня за талию. Я держала маленькую Дашу на руках.

— Вы тут такие молодые, — сказала дочь.

Я присела рядом.

— Да.

— Папа почти не изменился.

— Ну уж нет. У него тогда волос было гораздо больше.

Даша улыбнулась.

Потом серьезно посмотрела на меня.

— Мам, ты ведь его не ненавидишь?

Я покачала головой.

— Нет.

— А он злится.

— Знаю.

— Он говорит, что ты еще пожалеешь.

Мне стало неприятно.

— Даша, давай договоримся об одном.

— О чем?

— Я не буду спрашивать тебя, что папа говорит обо мне. И ты не должна передавать мне его слова.

Она опустила глаза.

— Я просто хотела предупредить.

— Понимаю. Но это наши с ним отношения. А тебе не нужно становиться между нами.

Дочь кивнула.

— Хорошо.

Я обняла ее.

— И не думай, что должна выбирать, к кому приходить на праздники. Мы оба твои родители.

— А если вы когда-нибудь снова будете вместе?

Я посмотрела на нее.

— Не будем, Даш.

Она помолчала.

Потом тихо сказала:

— Я поняла.

Мы вернулись к коробкам.

Вечером заказали пиццу и ели прямо на полу гостиной, потому что новый обеденный стол еще не привезли.

Даша рассказывала про работу, я жаловалась на тяжесть книжных коробок.

Она осталась ночевать.

Мы постелили ей в маленькой комнате на раскладном диване, который временно заменял рабочее место.

Перед сном дочь заглянула ко мне.

— Мам?

— Да?

— А ты теперь будешь куда-нибудь ходить? Ну, не только на работу.

Я пожала плечами.

— Наверное.

— Ты же хотела научиться танцевать.

Я рассмеялась.

— Господи, Даш, когда это было!

— А что изменилось?

Я задумалась. А что действительно изменилось? Раньше Виктор говорил, что танцы — занятие для людей, которым нечем заняться.

Я соглашалась.

Иногда находила в интернете видео уроков танго, смотрела несколько минут и закрывала.

Мне казалось смешным представлять себя среди людей, которые легко двигаются под музыку и совершенно не стесняются собственного тела.

— Не знаю, — призналась я.

Даша улыбнулась.

— Так попробуй.

— В сорок пять?

— Мам, там что, только школьников пускают?

Я фыркнула.

— Умная очень.

— В тебя.

Она поцеловала меня в щеку и ушла спать.

Я еще долго сидела на кровати, потом достала телефон и набрала: «Танго для начинающих Нижний Новгород». Открылись сайты нескольких студий. На фотографиях люди разного возраста: мужчины, женщины, кто-то серьезно смотрит партнеру в глаза, кто-то смеется. Я закрыла страницу. Потом снова открыла.

***

Спустя несколько дней Ольга Жаркова пришла ко мне с бутылкой безалкогольного игристого и большим пакетом печенья.

— Ну, показывай владения, разведенная женщина.

— Оль, только не начинай.

— А что? Мне нравится. Ты наконец сама себе хозяйка.

Она прошла по квартире, заглянула в маленькую комнату, похвалила кухню и заявила, что на балконе нужно обязательно поставить два кресла.

— Одного достаточно, — сказала я.

Ольга посмотрела на меня.

— Почему?

— Потому что я одна живу.

— И что? Второе кресло для сумки поставишь.

Я рассмеялась.

Мы дружили больше пятнадцати лет. Познакомились, когда я принесла в ее переплетную мастерскую старую книгу с оторванным корешком. Ольга тогда сказала, что книгу можно спасти, но обращаться с ней нужно бережно. Позже выяснилось, что она примерно так же относится к людям. Не терпит бесполезных жалоб, зато способна приехать среди ночи с лекарствами, если кому-то плохо.

О моем разводе она знала с самого начала. Ни разу не сказала, что я совершаю ошибку. Но и не пыталась убедить, что впереди меня обязательно ждет сказочная жизнь.

— Ну как ты? — спросила подруга, когда мы сели пить чай.

Я задумалась.

— Странно.

— Это я вижу. Конкретнее.

— Иногда очень хорошо. А иногда хочется позвонить Виктору и рассказать какую-нибудь глупость.

Ольга кивнула.

— Привычка.

— Наверное.

— Ты же почти всю жизнь с ним прожила. Было бы странно, если бы за месяц все прошло.

Я посмотрела в чашку.

— Мне иногда кажется, что я плохой человек.

— Почему?

— Потому что он ведь не чудовище. Никогда меня не бил, не изменял, не унижал публично. Работал, обеспечивал семью. А я взяла и ушла.

Ольга положила печенье на блюдце.

— Марин, можно вопрос?

— Давай.

— Если бы ты осталась, через пять лет ты жила бы сильно иначе, чем в ту неделю перед днем рождения?

Я открыла рот и закрыла. Представила нашу квартиру: Виктор перед телевизором, мой стол возле окна, ужины к определенному времени. Выходные, где у мужа всегда есть планы, а у меня — возможность к ним присоединиться.

— Нет, — призналась я.

— Вот и ответ.

Я молчала.

Ольга подвинула ко мне тарелку.

— Ешь печенье. Оно дорогое, между прочим.

Я взяла одно.

— А ты зачем два пакета купила?

— Один себе. Я же не святая.

Мы засмеялись.

Потом я показала ей сайты танцевальных студий.

Ольга внимательно просмотрела расписание.

— Вот эта хорошая.

— Почему?

— У них занятие для новичков вечером в среду. Тебе удобно.

— И что?

— И можно попробовать.

Я поморщилась.

— Оль, я последний раз танцевала на Дашином выпускном.

— И что, тебя тогда арестовали за неправильные движения?

— Нет.

— Значит, все не так страшно.

Я посмотрела на фотографии.

— Там, наверное, все парами приходят.

— Написано, что можно без партнера. Партнеры меняются на занятиях.

— А если я буду выглядеть нелепо?

Ольга откинулась на спинку стула.

— Марина, я сейчас скажу ужасную вещь.

— Какую?

— Тебе больше не нужно получать разрешение Виктора на то, чтобы выглядеть нелепо.

Я чуть не подавилась чаем.

— Оля!

— Что? Чистая правда.

Она взяла телефон и протянула мне.

— Давай. Записывайся.

Я посмотрела на кнопку регистрации.

Пальцы вдруг стали холодными.

Почему-то записаться на танцы оказалось страшнее, чем купить квартиру.

Квартиру я выбирала головой. А здесь нужно было признать, что хочу чего-то просто для удовольствия — без пользы и семейной необходимости.

Я нажала кнопку, заполнила имя, номер телефона, возраст. В графе «Уровень подготовки» выбрала «Начинающий».

Через минуту пришло подтверждение.

Первое занятие назначили на двадцать пятое марта.

— Все, — сказала я.

Ольга подняла чашку.

— Поздравляю.

— С чем?

— С тем, что ты наконец перестала спрашивать себя, имеешь ли право.

Я улыбнулась.

Мне было и приятно, и страшно.

***

Двадцать пятого марта я стояла возле танцевальной студии без пятнадцати семь.

Два раза прошла мимо входа.

На первом этаже здания находилась пекарня. Оттуда пахло корицей и горячим хлебом.

Я остановилась у витрины, сделала вид, что рассматриваю булочки.

В сумке лежали сменные туфли на небольшом каблуке. Я специально купила их накануне. Простые, черные, удобные.

Всю дорогу убеждала себя, что это просто пробное занятие.

Не понравится — уйду.

Но теперь, когда до начала оставалось пятнадцать минут, мне хотелось развернуться и поехать домой.

В голове звучал голос Виктора.

«Марина, тебе что, заняться нечем?»

Я вдруг разозлилась.

Не на него даже.

На то, что продолжала слышать этот голос, хотя мы уже развелись.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Даши.

«Мам, удачи на танцах! Потом расскажешь. Только не сбеги».

Я невольно рассмеялась.

Написала:

«Поздно. Уже собиралась».

Дочь ответила почти сразу:

«Я так и знала. Иди давай».

Я убрала телефон и посмотрела на отражение в стекле пекарни: темно-синее пальто, аккуратно уложенные волосы. Почему я выглядела так, словно меня вели на экзамен?

Я поправила сумку на плече и вошла в здание.

На втором этаже за стеклянной дверью негромко звучала незнакомая мелодия с отчетливым ритмом.

Я остановилась.

Через стекло было видно светлое помещение, зеркальную стену и нескольких людей, которые разговаривали, переобуваясь возле скамеек.

Женщина в красной кофте смеялась над словами высокого мужчины. Кто-то проверял телефон, другая женщина завязывала волосы. Обычные люди; никто не выглядел так, словно родился с умением танцевать.

Я открыла дверь.

Навстречу подошла девушка лет тридцати.

— Добрый вечер! Вы на пробное занятие?

— Да. Меня зовут Марина Ланская.

Она улыбнулась.

— Очень приятно. Я Алина, преподаватель. Проходите, располагайтесь. У нас сегодня как раз несколько новичков.

Я поблагодарила. Сняла пальто, переобулась. Туфли оказались удобными, но зеркала во всю стену заставляли чувствовать себя неуютно.

Я поставила сумку на скамейку и уже собиралась открыть телефон, чтобы хоть чем-нибудь занять руки, когда возле меня остановился мужчина.

Высокий, широкоплечий, в темной рубашке с закатанными рукавами.

У висков заметно серебрилась седина.

Он держал в одной руке бутылку воды, в другой — телефон, на экране которого было открыто расписание.

— Простите, — обратился он ко мне. — Вы не знаете, это группа для начинающих?

Я подняла глаза.

У него был приятный низкий голос.

— Кажется, да.

Мужчина посмотрел на людей возле зеркала.

— Хорошо. А то я уже начал подозревать, что случайно записался на соревнования.

Я улыбнулась.

— Почему?

— У них у всех такой уверенный вид. А я пока даже не понимаю, с какой ноги начинать.

Я невольно рассмеялась.

— Тогда нас двое.

Он посмотрел на меня внимательнее.

И улыбнулся в ответ.

— Вот и отлично. Значит, если нас выгонят, хотя бы не поодиночке.

Преподаватель хлопнула в ладоши.

— Друзья, начинаем! Подходите, пожалуйста!

Мужчина убрал телефон.

— Удачи нам, — сказал он.

— Нам она понадобится.

Он рассмеялся и направился к середине зала.

Я пошла следом.

Развод, Виктор, сомнения, правильно ли я поступила, отступили. Впервые за много недель меня занимало только то, как бы не перепутать ноги.

Глава 3. Не с той ноги

— Начнем с самого простого, — объявила преподаватель. — С ходьбы.

Я посмотрела на свои новые туфли.

Если бы кто-нибудь сказал мне, что я заплачу деньги за возможность учиться ходить, я бы решила, что человек шутит.

Но Алина говорила совершенно серьезно.

— В танго очень важно чувствовать собственный вес. Мы не спешим. Не пытаемся сразу красиво танцевать. Сначала учимся двигаться вместе с партнером.

Она попросила нас выстроиться перед зеркалом.

Я оказалась между невысокой женщиной с короткой стрижкой и тем самым мужчиной, который несколькими минутами раньше интересовался, не попал ли случайно в группу профессионалов.

Он повернул ко мне голову.

— Пока все обнадеживает, — негромко сказал он. — Ходить я умею.

Я улыбнулась.

— Я тоже так думала.

— Значит, у нас преимущество.

Алина попросила сделать несколько шагов вперед, потом назад, остановиться, перенести вес на другую ногу и повторить.

Через пять минут выяснилось, что привычная ходьба и та, которой от нас добивалась преподаватель, имеют между собой не так много общего.

Я старательно следила за положением корпуса, забывала о ногах, смотрела в зеркало и тут же сбивалась.

Женщина справа двигалась удивительно легко. Я попыталась повторить. Ничего хорошего не получилось.

— Марина, не торопитесь, — мягко сказала Алина. — Не нужно делать большой шаг. Почувствуйте, как переносите вес.

Я кивнула, сделала еще один шаг и едва не наступила на собственную туфлю.

— Вот теперь понимаю, почему нас сначала учат ходить, — пробормотала я.

Мужчина рядом усмехнулся.

— Я уже два раза чуть не упал. Просто удачно выбрал место, где этого никто не заметил.

— Я заметила.

— Тогда придется признать поражение.

Мне захотелось рассмеяться, но Алина как раз включила музыку.

— А теперь попробуем то же самое под ритм.

Я выпрямилась.

Музыка оказалась совсем не такой, какую я представляла.

Не стремительной, не театральной. Мелодия была немного печальной, с отчетливыми паузами, в которых будто оставалось место для дыхания.

Я сделала шаг, потом второй и ненадолго перестала думать, как выгляжу со стороны. Через несколько минут преподаватель объявила:

— Теперь работаем в парах.

Вот тут я испугалась по-настоящему. Путаться в собственных ногах перед незнакомым мужчиной было куда страшнее.

Я уже начала прикидывать, нельзя ли незаметно переместиться поближе к выходу, когда высокий мужчина с сединой у висков остановился напротив меня.

— Кажется, нам предстоит проверить, насколько крепкая у вас обувь, — сказал он.

— Почему именно моя?

— У меня сорок четвертый размер. Если наступлю, последствия будут серьезнее.

Я не удержалась и рассмеялась.

— Тогда предупреждайте заранее.

Он протянул руку.

— Артем.

— Марина.

Его ладонь оказалась теплой, сухой, с короткими пальцами и широкими суставами.

Я пожала ее.

— Очень приятно.

— Взаимно.

Алина показала положение рук.

Мужчина должен был поддерживать партнершу, не притягивая слишком близко. Женщине следовало сохранять собственное равновесие и чувствовать направление движения.

Я слушала внимательно.

Особенно ту часть, где говорилось о равновесии.

Потому что стоило Артему положить ладонь мне на спину, как я неожиданно забыла, куда нужно деть вторую руку.

— Сюда, — подсказал он, чуть приподнимая левую ладонь.

— Спасибо.

Я вложила правую руку в его левую ладонь, а левой осторожно коснулась плеча. Через тонкую ткань рубашки чувствовалось тепло.

Мы стояли достаточно близко, чтобы я заметила, что он выше меня почти на голову. У него было приятное лицо. Не безупречно правильное, как у мужчин с рекламных фотографий, а живое, с заметными складками возле глаз и упрямой линией подбородка. Он смотрел на меня спокойно. Без той оценивающей настойчивости, от которой иногда хочется поправить одежду или отвернуться.

— Готовы? — спросил он.

— Нет.

Артем улыбнулся.

— Прекрасно. Я тоже.

Алина хлопнула в ладоши.

— Мужчины, начинаем с левой ноги. Девушки, с правой. Не спешим, слушаем музыку.

Мы с Артемом шагнули и столкнулись коленями.

— Простите, — сказала я.

— Нет, это я.

— Вы должны были вперед.

— Я и пошел вперед.

— Тогда почему мы оба оказались здесь?

Он посмотрел вниз.

Потом на меня.

— Кажется, я начал не с той ноги.

Мы рассмеялись.

— Все хорошо! — отозвалась Алина. — Для этого и учимся. Остановились, нашли равновесие и попробовали снова.

На второй попытке мы прошли три шага. На четвертом Артем остановился. Я продолжила движение и почти уткнулась ему в грудь. Он успел придержать меня за спину.

— Извините.

— Ничего. Я недостаточно понятно остановился.

— Вы вообще собирались останавливаться?

— Да. Просто не сообщил об этом достаточно убедительно.

Смех постепенно снимал напряжение. Мы пробовали снова: иногда получалось, иногда я наступала ему на ногу. Один раз он едва не задел соседнюю пару, и нам пришлось срочно отступить к зеркалу.

— Артем, — позвала Алина, — не нужно вести Марину силой. Дайте ей возможность почувствовать движение.

Он сразу ослабил руку.

— Так лучше? — спросил меня.

Я кивнула.

— Да.

Мы начали снова. Артем шагнул; я почувствовала легкое изменение положения его корпуса и отступила. Еще шаг, поворот, остановка — на этот раз получилось. Всего несколько движений, а я обрадовалась как ребенок.

— Получилось! — вырвалось у меня.

Артем улыбнулся.

— Я тоже заметил.

— Надо запомнить этот момент.

— Думаете, больше не повторится?

— Не исключено.

Он засмеялся.

Мне нравился его смех — негромкий, низкий, чуть хрипловатый. И то, что он не сердился, когда что-нибудь не получалось.

Виктор терпеть не мог выглядеть неумелым. Если у него возникали сложности с новой техникой, виновата была инструкция. Если мы заблудились на машине, неправильно работал навигатор. Если кто-то не понимал его объяснений, значит, плохо слушал. Я привыкла заранее угадывать, когда лучше ничего не подсказывать. А Артем спокойно признавал ошибки. И совершенно не стеснялся выглядеть смешным. Для меня это оказалось неожиданно приятным.

***

Через двадцать минут Алина предложила поменяться партнерами.

Я разочаровалась, хотя еще недавно боялась танцевать с незнакомым мужчиной.

Артем отпустил мою руку.

— Спасибо за терпение, Марина.

— И вам.

— Надеюсь, ноги целы.

— Пока да.

Он чуть наклонил голову.

— Тогда до следующего круга.

Ко мне подошел невысокий мужчина в очках.

— Петр, — представился он.

— Марина.

Петр был предельно серьезен.

Он внимательно слушал преподавателя, несколько раз уточнил порядок шагов и попросил меня не менять направление слишком резко.

Я старалась выполнять его просьбы.

Но когда он в третий раз начал объяснять, почему мы сбились, я почувствовала, как возвращается знакомая скованность.

— Петр, — осторожно сказала я, — может, просто попробуем еще раз?

Он поправил очки.

— Да, конечно. Я только хотел объяснить последовательность.

— Я поняла.

Мы попробовали снова.

Получилось не хуже и не лучше, чем с Артемом.

Только почему-то я опять стала считать каждый шаг.

Потом партнеры сменились еще раз.

Следующим оказался мужчина по имени Константин, который совершенно не боялся ошибаться, зато боялся наступить женщине на ногу.

Он все время держался слишком далеко.

Алина подошла к нам и показала, как правильно стоять.

— Не нужно спасать партнершу от танца, Константин. Просто дайте ей пространство.

Я улыбнулась.

Он тоже.

К концу занятия я успела потанцевать с четырьмя мужчинами. Ноги устали, спина ныла от непривычного положения, в голове перемешались объяснения.

Когда музыка остановилась, я с облегчением выдохнула.

— Спасибо всем! — сказала Алина. — На следующем занятии продолжим. И не расстраивайтесь, если сегодня что-то не получилось. Вы пришли учиться.

Мы зааплодировали.

Я пошла к скамейке. Села и осторожно сняла туфли. Правая ступня немного болела.

— Ну как впечатления?

Я подняла голову.

Передо мной стояла женщина с короткой стрижкой, та самая, рядом с которой я начинала разминку.

— Неожиданные, — призналась я.

Она рассмеялась.

— Я Инга. Тоже первый раз.

— Марина.

— Я думала, будет проще. Вроде смотришь видео — люди просто ходят под музыку.

— А потом выясняется, что нужно помнить, с какой ноги.

— И еще улыбаться при этом.

Мы засмеялись.

Инга оказалась разговорчивой женщиной лет сорока, с очень живой мимикой и привычкой быстро перескакивать с одной темы на другую. Она работала дизайнером интерьеров. На танго записалась после того, как взрослая дочь заявила, что мама проводит слишком много времени за компьютером.

— Вот я и решила проверить, сохранились ли у меня ноги, — объяснила Инга. — Пока результат сомнительный.

Я рассказала, что тоже работаю за компьютером.

— Кем?

— Редактором.

— Книги?

— Да.

— Ой, как интересно! А вы с авторами ругаетесь?

— Иногда.

— Серьезно?

— Обычно очень вежливо. Пишу им, что герой не мог оказаться в Москве в понедельник, если в воскресенье уехал в другой город и следующие три дня там лежал с температурой.

Инга расхохоталась.

— И что они отвечают?

— Иногда благодарят. Иногда объясняют, что герой особенный.

Рядом послышался знакомый низкий голос:

— А если он действительно особенный?

Я обернулась.

Артем стоял возле скамейки, держа в руке куртку.

— Тогда автору придется объяснить, почему у него такие способности, — ответила я.

— Справедливо.

Инга посмотрела на нас.

— Вы знакомы?

— Минут сорок, — сказала я.

— И уже обсуждаете литературу?

— Мы пока обсуждаем возможность перемещения между городами, — уточнил Артем.

— Нормальное начало знакомства, — заключила Инга.

Она встала.

— Слушайте, а давайте кофе выпьем? Тут в соседнем доме кофейня есть. Я после занятий всегда есть хочу. Даже если занятия были первые в жизни.

Петр, проходивший мимо, остановился.

— Кофейня работает до десяти?

— До одиннадцати, — ответила Инга. — Я проверяла.

— Тогда можно.

Артем посмотрел на меня.

— Марина, присоединитесь?

Я собиралась сказать, что мне пора домой. Торопиться было некуда, но я привыкла отказываться от незапланированных встреч: работа, дела, ужин, почта. Потом вспомнила пустую квартиру, контейнер с салатом в холодильнике и рукопись, которую можно открыть завтра.

— С удовольствием, — сказала я.

***

Кофейня действительно находилась рядом.

Небольшая, уютная, с деревянными столиками и огромным окном, выходившим на вечернюю улицу.

Мы пришли вчетвером.

Инга сразу заняла стол возле окна, Петр отправился изучать меню, а Артем придержал для меня дверь.

Я поблагодарила. Когда-то такие мелочи казались обычными. Но Виктор давно привык входить первым, решая дела на ходу, и я неожиданно обратила внимание на то, как Артем заметил меня и придержал дверь.

Инга заказала большой кусок чизкейка, Петр — чай, я — капучино. Артем выбрал американо и сэндвич.

— Вы после работы? — спросила я.

— Да. Даже поужинать толком не успел.

— А на танцы успели.

— Я записался еще две недели назад. Не хотелось пропускать первый урок.

Он снял часы и положил на стол. Обычные, с темным ремешком и крупным циферблатом.

— Чем занимаетесь? — спросила Инга.

— Строительством.

— В прямом смысле?

— В самом прямом. У меня компания. Строим и ремонтируем здания.

— Большая?

Он немного подумал.

— Достаточно большая, чтобы я регулярно получал письма с пометкой «срочно», даже когда ничего срочного не происходит.

Петр улыбнулся.

— Это везде так.

— А вы кем работаете? — спросил Артем.

— Инженером на производстве. Автоматизация.

Они обменялись несколькими фразами о работе.

Я слушала, согревая ладони о чашку.

Разговор был удивительно простым.

Никто не пытался произвести впечатление.

Инга рассказывала, как однажды заказчики попросили сделать интерьер одновременно минималистичным и роскошным, но чтобы абсолютно все было на виду и ничего не привлекало внимания.

Петр признался, что его жена давно предлагала ходить на танцы вместе, но он согласился только после того, как она записалась на занятия одна.

— А почему сегодня без нее? — спросила Инга.

— Заболела. Простыла на выходных.

— Передавайте выздоровления.

— Спасибо.

Артем повернулся ко мне.

— А вы почему решили заняться танго?

Я чуть не ответила привычное «просто захотелось».

Но он смотрел с настоящим интересом.

И я сказала честнее:

— Давно хотела попробовать. Все время откладывала.

— Почему?

Я улыбнулась.

— Находились причины.

— А сейчас перестали?

— Некоторые перестали.

Он кивнул.

Не начал выяснять, какие именно.

И мне это понравилось.

— А вы? — спросила я.

Артем посмотрел на свою чашку.

— Мне хотелось заняться чем-нибудь, где я ничего не умею.

Инга подняла брови.

— Необычное желание.

— На работе от меня все время ждут правильных решений. Дома я тоже привык все организовывать. Захотелось оказаться в положении человека, которому нужно слушать и учиться.

— И как впечатления? — поинтересовалась я.

Он серьезно ответил:

— Пока очень полезно. Особенно когда наступаешь женщине на ногу и понимаешь, что никакой должностью это не исправишь.

Я засмеялась.

— Вы мне почти не наступали.

— Спасибо. Но один раз точно был.

— Был.

— Значит, не показалось.

Петр отложил телефон.

— Вообще танцы хорошо развивают координацию. Я читал, что...

Он начал рассказывать о работе вестибулярного аппарата.

Инга слушала с таким серьезным видом, что я едва не рассмеялась.

Потом она спросила:

— Петр, а когда вы с женой познакомились?

— На работе.

— Давно?

— Двадцать семь лет назад.

— Ничего себе.

Он улыбнулся.

— У нас уже дочь замужем.

Я невольно посмотрела в окно.

Двадцать семь лет.

Почти столько же, сколько мы с Виктором знали друг друга.

Только Петр говорил о жене с какой-то спокойной нежностью.

Без показной сентиментальности.

Просто упомянул, что та простудилась, что они собирались вместе на танцы и что он принесет ей домой любимое пирожное.

Мне стало немного грустно.

Я опустила глаза.

— Марина?

Я подняла голову.

Артем смотрел на меня.

— Все в порядке?

— Да.

— Вы вдруг замолчали.

— Задумалась.

Он не стал расспрашивать.

Инга тем временем заказала второй чай и принялась рассказывать о дочери.

— Моя теперь живет отдельно. Я раньше думала, что когда дети вырастают, становится спокойнее. Ничего подобного. Теперь я не знаю, где она, с кем и поела ли вообще.

Петр кивнул.

— Это правда.

— А у вас дети есть? — спросила Инга, обращаясь ко мне.

— Дочь. Двадцать два года.

— Совсем взрослая.

— Да. Работает аналитиком. Живет отдельно.

— Замужем?

— Нет.

— А жених?

Я улыбнулась.

— Если есть, пока мне не докладывали.

Инга рассмеялась.

— Ничего, расскажет.

Артем поставил чашку.

— У меня сыну двадцать четыре.

Я повернулась к нему.

— Правда?

— Никита. Инженер-программист. Живет отдельно, иногда появляется, когда ему требуется помощь с машиной или хочется поесть нормально приготовленного мяса.

— А вы хорошо готовите? — спросила я.

— Несколько блюд. Зато уверенно.

— Каких?

— Стейк. Омлет. И картошку могу запечь так, что никто не жалуется.

— Никто не жалуется — это уже серьезное достижение.

— Именно.

Он улыбнулся.

— А ваша дочь далеко живет?

— Нет. Минут сорок от меня. Иногда приезжает на выходные.

— Хорошо.

Мы еще немного поговорили о взрослых детях. О том, как трудно перестать тревожиться за них. О том, что самостоятельный ребенок сначала радует родителей, а потом внезапно сообщает, что будет жить по собственному расписанию. Артем рассказывал о Никите без раздражения. С уважением к его выбору.

Когда Инга спросила, чем занимается жена Артема, разговор на мгновение остановился.

— Я разведен, — спокойно ответил он.

— Ой, простите.

— Ничего страшного. Уже семь лет.

Инга смутилась.

Я увидела, как она собирается сменить тему.

Не знаю почему, но вдруг сказала:

— Я тоже разведена. Совсем недавно.

Артем повернулся ко мне.

— Понимаю.

Мне стало неловко, словно я сообщила что-то очень личное. Хотя развод был уже таким же фактом моей жизни, как работа или взрослая дочь.

— Двенадцатого марта, — зачем-то уточнила я. — Официально.

— Значит, прошло меньше двух недель.

— Да.

Я ждала вопросов: почему, кто виноват, как так получилось? Но Артем спросил другое:

— Вы уже устроились на новом месте?

Я удивилась.

— Откуда вы знаете, что я переехала?

— Не знаю. Просто предположил, что после развода мог быть переезд.

— Да. Купила небольшую квартиру.

— Поздравляю.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

— Хорошее место?

— Мне нравится. Там есть маленькая комната, которую я хочу сделать кабинетом.

— Для работы?

— Да.

— Тогда поздравляю вдвойне. Рабочее место, которое не приходится делить с другими, — большая ценность.

Я посмотрела на него внимательнее. Он не осудил мой развод в сорок пять, не стал выяснять, кто кому изменил, не посочувствовал так, будто я сообщила о неизлечимой болезни. Поздравил с квартирой и спросил о важном для меня. Захотелось рассказать гораздо больше, но я удержалась: превращать первое знакомство в исповедь не стоило, тем более в компании.

Инга уже обсуждала с Петром виды напольных покрытий, и разговор естественно вернулся к работе.

Когда принесли счет, мы разделили его без лишних споров.

Артем предложил оплатить мой кофе.

Я поблагодарила и сказала, что рассчитаюсь сама.

Он спокойно согласился, без обиженных замечаний и шуток про независимых женщин. Я даже удивилась, почему заранее ожидала неприятной реакции.

***

Из кофейни мы вышли около десяти.

Вечер оказался холоднее, чем я думала.

Мартовский ветер гулял между домами, заставляя прохожих втягивать головы в плечи.

Инга первой попрощалась.

— Все, друзья, я побежала. Если завтра не смогу встать с кровати, буду знать, кого винить.

— Алина ни при чем, — заметил Артем. — Мы сами записались.

— Вот именно это и обидно.

Она помахала нам рукой и пошла к остановке.

Петр направился к припаркованной машине.

Мы с Артемом остались вдвоем.

Я застегнула пальто.

— Вам в какую сторону? — спросил он.

Я показала рукой.

— К остановке. Там автобус идет почти до моего дома.

— Я могу подвезти.

Он не настаивал, а я все равно растерялась: хотелось продлить вечер, но мы были знакомы всего несколько часов.

— Спасибо, — сказала я. — Но я лучше на автобусе.

Артем кивнул.

— Конечно.

Мы прошли несколько шагов вместе.

У перекрестка он остановился.

— Тогда хорошего вечера, Марина.

— И вам.

— Надеюсь, на следующем занятии увидимся.

Я улыбнулась.

— Если после сегодняшнего смогу ходить.

Он посмотрел на мои туфли, которые торчали из сумки.

— Я собираюсь прийти. Даже если придется ползти.

Я рассмеялась.

— Тогда до встречи.

— До встречи.

Он ушел к стоянке. Я направилась к остановке. Автобус пришел почти сразу. В салоне было тепло, пахло мокрыми куртками и чьими-то духами. Я села возле окна. На улице проплывали вывески магазинов, темные деревья, освещенные окна домов.

Я смотрела на город и вдруг поймала себя на улыбке.

Не сдержанной, вежливой.

Настоящей.

Мне понравился вечер, и дело было даже не в знакомстве с мужчиной. Я куда-то пошла, попробовала новое, смеялась, говорила с людьми, которые ничего не знали о моем браке, должности Виктора и том, какой мне полагалось быть. Для них я была просто Мариной: плохо танцевала танго, редактировала книги, недавно купила квартиру. Этого оказалось достаточно.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Даши.

«Ну что? Жива?»

Я улыбнулась и написала:

«Жива. Но ноги завтра могут объявить забастовку».

Ответ пришел немедленно.

«Значит, понравилось!»

Я задумалась.

Потом написала:

«Очень».

Дочь прислала несколько радостных смайликов.

Следом появилось:

«А мужчины там были?»

Я рассмеялась вслух.

Женщина напротив подняла на меня глаза.

Я смущенно отвернулась к окну.

«Были».

«И?»

«Даша!»

«Мам, я просто интересуюсь».

Я посмотрела на сообщение.

Потом почему-то вспомнила лицо Артема.

Его улыбку.

То, как он спросил, устроилась ли я на новом месте.

«Нормальные мужчины. Один даже умеет готовить омлет и жарить мясо», — написала я.

Даша ответила:

«Уже неплохо. А танцует?»

Я засмеялась снова.

«Пока примерно как я».

«Идеальный вариант. Не будет выпендриваться».

Я убрала телефон.

За окном мелькали огни.

Мне было сорок пять лет.

Я ехала домой после танцев.

И впервые за долгое время совершенно не хотела возвращаться мыслями к Виктору.

***

На следующий день я проснулась с ощущением, что ночью меня заставили пройти пешком половину Нижнего Новгорода. Болели икры, ныла спина; при попытке встать я невольно застонала.

— Прекрасно, Марина Сергеевна, — пробормотала я. — Спорт продлевает жизнь. Особенно если после него удастся подняться.

Я дошла до ванной.

В зеркале увидела растрепанную женщину с сонными глазами.

Но настроение было хорошим.

Я приняла душ, приготовила завтрак и села работать.

На экране ждала рукопись исторического романа.

Вчера я остановилась на главе, где младший брат главного героя в очередной раз нарушал законы времени и семейной хронологии.

Я открыла таблицу персонажей, проверила даты, сделала пометки. Работа быстро затянула, и к обеду я почти забыла о вчерашнем вечере. Почти: несколько раз вспоминала, как Артем спросил: «Хорошее место?» Всего два слова, обычный вопрос, а думать об этом разговоре было приятно.

К трем часам я закончила большой фрагмент текста и отправила замечания автору.

Тот ответил спустя двадцать минут.

«Марина Сергеевна, благодарю. Но нельзя ли оставить возраст младшего брата прежним? Мне он нужен именно таким».

Я посмотрела на сообщение. Потом открыла свою таблицу. Если оставить возраст прежним, брат должен был родиться за три года до свадьбы родителей, хотя по сюжету оба познакомились значительно позже. Я написала подробное объяснение. Добавила два возможных варианта исправления. Отправила.

И вдруг вспомнила Артема.

Он вчера спрашивал, может ли герой быть особенным.

Я улыбнулась.

Наверное, если бы он увидел эту рукопись, предложил бы отправить персонажа в командировку во времени.

Телефон зазвонил.

На экране высветилось имя Виктора.

Я тут же слегка насторожилась.

— Да, Витя?

— Марина, привет. Ты занята?

Я посмотрела на компьютер.

— Работаю. Что случилось?

— Слушай, ты не помнишь, куда мы убрали документы на гараж?

Я закрыла глаза.

— В нижний ящик шкафа в кабинете. В синей папке.

— Я смотрел. Нет там.

— Тогда проверь верхнюю полку, где старые договоры.

— Там тоже нет.

Я подождала.

— Виктор, я не знаю, где они, если ты их переложил.

Он раздраженно выдохнул.

— Ну раньше же все было на местах.

Я посмотрела на свою новую кухню. На чашку кофе. На стопку рабочих листов возле компьютера.

— Раньше я занималась документами. Теперь тебе придется самому.

— Что значит придется самому? Мне просто бумага нужна.

— Я сказала, где ее искать.

Он замолчал.

Потом спросил:

— Ты вечером приедешь?

Я удивилась.

— Зачем?

— Поможешь найти. Заодно поужинаем.

Несколько секунд я не отвечала.

Предложение было почти похоже на приглашение.

Если бы он позвал меня просто поужинать, сказал, что хочет поговорить, возможно, я хотя бы задумалась.

Но ему нужно было найти документы.

А ужин прилагался к этому поручению.

— Нет, Витя. Сегодня не приеду.

— Почему?

— У меня работа.

— До вечера?

— Да.

Он недовольно хмыкнул.

— Ладно. Сам разберусь.

После разговора я некоторое время смотрела на телефон.

Мне стало немного грустно. Я не хотела возвращаться, но какая-то часть меня все еще надеялась, что Виктор однажды позвонит не по делу. Просто спросит, как я, — не из обязанности и не потому, что ему понадобилась помощь, а потому, что действительно захочет услышать мой голос.

Я отложила телефон.

Открыла рукопись.

Через полчаса уже спорила с автором о том, может ли персонаж знать подробности разговора, при котором не присутствовал.

Работа спасала от лишних мыслей лучше любого успокоительного.

***

Следующие несколько дней прошли быстро.

Я разбирала коробки, выбирала стол для кабинета и спорила с доставкой из-за перепутанного адреса.

В субботу приехала Даша.

Привезла продукты и заявила, что собирается проверить, чем я питаюсь.

— Мам, у тебя в холодильнике творог, яйца и сыр.

— А что еще должно быть?

— Нормальная еда.

— Я вчера суп варила.

Дочь открыла контейнер.

— Это на одну порцию.

— Потому что я одна живу.

Она посмотрела на меня.

— Ладно. Убедила.

Мы вместе приготовили пасту. Потом сидели на кухне и разговаривали. Даша рассказывала о новой сотруднице, которая постоянно путала имена клиентов, и о коллеге, пригласившем ее в кино. Я слушала и улыбалась.

— А на танцы еще пойдешь? — вдруг спросила дочь.

— Конечно.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Значит, правда понравилось.

— Да.

— А тот мужчина?

Я сделала вид, что не понимаю.

— Какой?

— Который умеет жарить мясо.

— Даша!

— Что? Ты сама написала.

Я рассмеялась.

— Нормальный мужчина. Приятный в общении.

— Красивый?

Я вспомнила Артема: темную рубашку, широкие плечи, седину у висков, улыбку со складками возле глаз.

— Да, — призналась я. — Симпатичный.

Даша приподняла брови.

— Ого.

— Не начинай.

— Я молчу.

Она выдержала секунд пять.

— А номер взяла?

— Нет.

Дочь посмотрела на меня с таким ужасом, будто я сообщила, что выбросила выигрышный лотерейный билет.

— Мам!

— Что?

— Ну как так?

Я рассмеялась.

— Даш, мы просто познакомились на танцах. Там еще люди были.

— И что?

— Ничего. Если встретимся снова, поговорим.

Она задумчиво покачала головой.

— Ты у меня слишком осторожная.

— У меня двадцать четыре года брака за плечами. Я не обязана немедленно бросаться в новые отношения.

Даша сразу стала серьезной.

— Мам, я не это имела в виду.

— Знаю.

— Просто мне хочется, чтобы ты была счастлива.

Я посмотрела на нее.

— Мне тоже.

Она улыбнулась.

Мы продолжили ужин.

А вечером, когда дочь уехала, я открыла расписание студии.

Следующее занятие было первого апреля.

Я проверила, во сколько начинается группа.

Хотя прекрасно помнила.

Потом закрыла телефон и пошла в кабинет.

***

Первого апреля я приехала на занятие на десять минут раньше.

На улице уже пахло весной.

Снег почти сошел, на тротуарах появились лужи, а возле входа в пекарню кто-то выставил столик с первыми цветами.

Я прошла мимо витрины. На секунду остановилась. Вспомнила, как неделю назад стояла на этом же месте и собиралась сбежать. Теперь хотелось подняться на второй этаж поскорее.

Я открыла дверь студии.

Внутри было тепло.

Алина разговаривала с женщиной в зеленом платье.

Инга сидела на скамейке, переобуваясь.

— Марина! — обрадовалась она. — Живая!

— С трудом.

— У меня после прошлого занятия ноги болели два дня.

— У меня тоже.

— Значит, все правильно делали.

Я рассмеялась. Сняла пальто. Переобулась.

Пока завязывала ремешок туфли, входная дверь открылась.

Я подняла голову.

Артем вошел в зал.

На нем были темные брюки, светло-серая рубашка и короткая кожаная куртка.

Он выглядел немного усталым.

Но когда увидел меня, улыбнулся.

— Добрый вечер, Марина.

— Добрый вечер.

Он подошел ближе.

— Ноги восстановились?

— Почти.

— У меня тоже. Сегодня готов к новым испытаниям.

— Я уже начинаю подозревать, что вам нравится страдать.

— Исключительно ради искусства.

Инга громко фыркнула.

— Вы оба еще не знаете, что сегодня будет. Алина обещала повороты.

Артем посмотрел на меня.

— Значит, ходить мы уже научились?

— Судя по всему, нас повысили.

Он засмеялся.

Я радовалась ему и немного смущалась своей радости. Мы встретились всего второй раз; пока он был просто знакомым человеком. А настроение уже изменилось.

***

На занятии действительно учили повороты.

И почти сразу выяснилось, что предыдущие успехи были сильно преувеличены.

Мы снова сбивались.

Я забывала переносить вес.

Артем иногда начинал поворот раньше, чем я успевала понять его намерение.

Алина терпеливо объясняла одно и то же.

— Не торопитесь. Не нужно тащить партнершу за собой. Сначала обозначьте направление.

Артем остановился.

— Марина, кажется, меня снова ругают.

— Заслуженно.

— Вы сегодня строгая.

— Я целую неделю готовилась.

Он улыбнулся.

Мы повторили движение.

На этот раз получилось лучше.

— Вот! — обрадовалась Алина. — Теперь уже похоже на танец.

Я подняла глаза на Артема.

Он смотрел на меня с явным удовольствием.

— Нас похвалили, — сказал он.

— Я слышала.

— Предлагаю запомнить.

— Я в прошлый раз тоже предлагала.

— Значит, собираю достижения.

Я рассмеялась.

Во время небольшого перерыва мы отошли к скамейке.

Артем взял бутылку воды.

— Кстати, — сказал он, — как закончилась ваша история с младшим братом, который оказался старше, чем положено?

Я замерла.

— Вы помните?

Он удивился.

— Конечно. Вы рассказывали в кафе.

Мне стало тепло. Всю неделю я переписывалась с автором, сверяла даты, и теперь Артем спрашивал, чем закончилась эта работа. Казалось, ему действительно интересно, он спрашивает не из вежливости.

— Автор согласился исправить хронологию, — сказала я. — Правда, предложил сначала объяснить все секретным усыновлением.

Артем поднял брови.

— Неожиданный ход.

— Особенно если учитывать, что родители сами не знали об усыновлении.

Он рассмеялся.

— Сильный сюжет.

— В итоге мы нашли решение попроще. Изменили возраст одного персонажа и перенесли несколько событий.

— И все получилось?

— Почти. Еще нужно проверить последние главы.

— Когда сдавать?

— В пятницу.

Он кивнул.

— Значит, у вас впереди два напряженных дня.

— Да.

— Удачи.

— Спасибо.

Я посмотрела на него внимательнее.

Под глазами у Артема были заметны следы усталости.

— А вы как? — спросила я. — Выглядели сегодня немного уставшим.

Он удивился.

Потом улыбнулся.

— Есть такое.

— Работы много?

— Два объекта одновременно сдаются. На одном подрядчик задержал поставку. На другом заказчик внезапно вспомнил, что хочет изменить часть отделки.

— И все срочно?

— Разумеется. И желательно вчера.

Я улыбнулась.

— Знакомо.

Он сделал глоток воды.

— Сегодня полдня решали вопрос, который можно было закрыть одним телефонным звонком. Просто четыре человека сначала написали друг другу двенадцать писем.

— У меня похожее бывает с авторами.

— Значит, понимаете.

Я посмотрела на него.

— А зачем вы все-таки приехали? Могли бы отдохнуть.

Артем немного помолчал.

— Хотелось переключиться.

Он улыбнулся.

— И потом, я обещал себе не пропускать занятия из-за работы.

— Это правильно.

— А вы?

— Что я?

— Тоже ведь могли остаться дома и заканчивать рукопись.

Я задумалась.

— Могла.

— Но приехали.

— Да.

— Значит, у нас есть что-то общее.

Я улыбнулась.

— Пока только упрямство.

— Неплохое начало.

Алина позвала всех обратно.

Мы вернулись к танцу.

На этот раз я не пыталась постоянно смотреть под ноги. Подняла голову, почувствовала, как Артем чуть изменил положение корпуса, шагнула, повернулась, остановилась. Он улыбнулся.

— Получилось.

— Да.

— Видите? Еще немного, и нас перестанут считать новичками.

— Не торопите события.

— Согласен.

Музыка продолжалась.

Мы сделали еще несколько шагов.

Я не следила за тем, как выгляжу: подтянут ли живот, нужно ли поправить волосы, доволен ли партнер. Двигалась под музыку, чувствовала его руку на спине, слышала спокойное дыхание. Мне было хорошо, и впервые за долгое время я не тревожилась постоянно о своем теле.

Я чувствовала себя женщиной, которой приятно танцевать с мужчиной. Просто женщиной, а не генеральской женой, матерью взрослой дочери, человеком, который организует чужую жизнь. Это ощущение оказалось неожиданно сильным.

***

После занятия Инга торопилась домой.

Петр тоже ушел почти сразу.

Я сидела на скамейке, застегивая туфли, когда Артем остановился рядом.

— Марина, можно вас кое о чем спросить?

Я подняла голову.

— Конечно.

Он присел на свободный край скамейки, оставив между нами достаточно места.

— Вы не против, если я приглашу вас выпить кофе?

Я улыбнулась.

— Мы же уже пили кофе.

— В компании.

Он посмотрел мне в глаза.

— А я хотел бы с вами вдвоем.

От приглашения сердце забилось быстрее. Мне сорок пять, у меня дочь, квартира, работа, свидетельство о расторжении брака — а хочется улыбаться так, как давно не улыбалась.

— С удовольствием, — ответила я.

Артем тоже улыбнулся.

— Когда вам удобно?

Я задумалась.

— До пятницы у меня напряженная работа. Нужно закончить рукопись.

— Тогда после пятницы?

— В субботу я свободна после обеда.

— Отлично. Может быть, в четыре?

— В четыре подойдет.

Он достал телефон.

— Тогда обменяемся номерами?

Я назвала свой. Артем записал, и через несколько секунд мой телефон завибрировал: незнакомый номер.

— Это я, — сказал он. — Чтобы вы не перепутали.

Я сохранила контакт: «Артем Корнеев».

— Корнеев? — уточнила я.

— Да.

— А я Ланская.

— Очень приятно, Марина Ланская.

Мне стало смешно: мы уже дважды танцевали вместе, говорили о работе, детях, разводах — и только теперь узнали фамилии друг друга.

Артем посмотрел на часы.

— Я в пятницу напишу вам, договоримся о месте.

— Хорошо.

Он встал.

— Тогда до субботы.

— До субботы.

Мы попрощались.

Я надела пальто, взяла сумку и вышла из студии.

На лестнице я остановилась и посмотрела на новый контакт. Артем Корнеев. Пятьдесят? Нет, сорок девять. Разведен, взрослый сын, строительная компания. Плохо танцует танго, помнит мои рассказы о работе и пригласил меня на свидание.

Я невольно улыбнулась.

Потом одернула себя.

Какое свидание?

Он сказал «кофе».

Может быть, просто хочет пообщаться.

Но почему тогда отдельно уточнил, что вдвоем?

Я покачала головой.

— Марина, успокойся.

Никто меня не услышал.

На лестнице было пусто.

Я спрятала телефон и вышла на улицу.

***

Дома я первым делом поставила чайник.

Потом переоделась, умылась и открыла рабочую почту.

Автор исторического романа прислал исправленные главы. Я начала читать, но через полчаса поняла, что третий раз возвращаюсь к одному абзацу. Перечитывала не потому, что текст был плох: мысли уходили в сторону. Я закрыла файл, встала, прошла на кухню, налила чай и села возле окна.

В темном стекле отражалось слегка уставшее лицо. Волосы растрепались после танцев, на щеке остался след от воротника — обычная женщина после рабочего дня. Но я ждала субботу. Не ради окончания дел и не потому, что Виктор обещал побыть со мной. Меня пригласил на встречу мужчина, который понравился мне.

Я вдруг вспомнила, как в молодости ждала свиданий с Виктором. Мне тогда было двадцать. Он приезжал после службы, иногда опаздывал, иногда приносил цветы. Я могла по часу выбирать платье, красить губы, переделывать прическу. И каждый раз сердце начинало биться быстрее, когда слышала его шаги за дверью. Потом мы поженились. Родилась Даша. Жизнь стала сложнее. Любовь постепенно превратилась в заботы, обязанности, привычки.

Я долго считала, что так и должно быть.

Взрослые люди ведь не могут всю жизнь ждать друг друга с волнением.

Наверное, не могут.

Но разве обязательно совсем переставать радоваться встрече?

Я сделала глоток чая. На лежавшем рядом телефоне загорелся экран — сообщение от Артема.

«Марина, добрый вечер. Это Артем из студии. Надеюсь, после сегодняшних поворотов вы добрались домой без приключений».

Я засмеялась.

Написала:

«Добрый вечер. Добралась. Правда, на лестнице пришлось вспомнить, какая нога у меня ведущая».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.